ПИОНЕР

19

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ 1929 г.

ЧЕТЫРЕ ОРДЕНА

ЯН ФРАНЦЕВИЧ ФАБРИЦИУС

16-й дивизии приказано выбить противника из старых окопов на участке Сморгонь—Шиловичи.

Участок—важный боевой пункт. Занят поляками. Сильное укрепление проволочными заграждениями, доходившими в некоторых местах в ширину до 50 шагов, не позволяло вести открытое наступление.

Ян Фабрициус—комбриг 48, 16-й стрелковой дивизии, с небольшим отрядом переодевается в польскую форму и направляется на разведку в глубокий тыл противника.

С виду все спокойно. Уверенная походка, спокойные и уверенные движения, как у себя дома, не вызывают у врагов подозрения. Исходив все пути и перепутья, основательно изучив положение врага, тов. Фабрициус выработал свой план нападения.

— Слишком рискованно...

— Не удастся, под суд итти придется...— заявляют друзья.

Но Ян Фабрициус стойкий, преданный революции, воспитывал себя в духе решительности и настойчивости, не привык пасовать перед трудностями. Он взял на себя ответственность боя.

13 июля весь день шел бой с противником. Но выбить неприятеля из неприступных позиций, имеющих бетонные блиндажи, убежища, площадки для пулеметов и т. д., не удалось.

Тогда Фабрициус решается на хитрость. В ночь на 14 июня тов. Фабрициус, производя демонстрацию на участке двух полков, отвлек внимание противника. В это время саперная команда подкралась к проволочным заграждениям. Быстро в темноте работали ножницы, топоры. Руки бойцов разрывала в кровь колючая проволока. Но путь был открыт.

Быстро дается приказ оставшимся полкам. С разных сторон, гуськом, по два в ряд, в глухую ночь пробирались наши войска к противнику. И вдруг... во мраке в самом центре польского расположения справа, слева, отовсюду одновременно раздалось громкое ура. Нападение было организовано со всех сторон: с фланга, тыла и фронта. Враг обратился в беспорядочное бегство.

„В самый разгар боя полякам прибыло подкрепление. Оно втрое превышает все наши силы. Но мы крепко держались правила „в бою противника не считать“,— вспоминал тов. Фабрициус.

Момент был исключительный. У нашей армии недостаток патронов дошел до того, что оставалось по три патрона на бойца.

Сам тов. Фабрициус был тяжело ранен. Он не мог продолжать преследование неприятеля верхом. Но уйти в тыл, оставить, хотя бы на время, бой он не захотел и продолжал руководить операцией и разъезжая в бричке. Было дано распоряжение захватить неприятельские склады оружия. Положение резко изменилось. Бой был выигран.

В приказе Реввоенсовета написано:

„Награждается вторично орденом Красного Знамени командир 48-й бригады, 16-й стрелковой дивизии имени Кинивадзе—Ян Францевич Фабрициус“.

И вот 24 августа произошла ужасная катастрофа с аэропланом в Сочи, во время которой погиб легендарный боец, чья грудь была украшена четырьмя орденами Красного Знамени.

К ЧИТАТЕЛЯМ!

В № 21 „Пионера“ будет помещен отрывок из новой повести писателя Бухштаба о погибшем в тюрьме революционере Клеточникове. В том же номере мы поместим беседу с посетившим нашу редакцию вождем детского движения в Индии С. Р. Бич-Беем.

В № 20 будет помещена речь председателя Госплана СССР тов. Кржижановского о пятилетке и очерк Н. Погодина о строительстве нового медеплавильного завода.

ОКТЯБРЬ
№ 19

К борьбе за рабочее дело—будь готов!

ПИОНЕР

двухнедельный иллюстрированный детский журнал

Орган ЦБ детской коммунистической организации имени В. И. Ленина при ЦК ВЛКСМ, МБ юных пионеров при МК ВЛКСМ и Наркомпроса

ТАРАС

Рассказ АЛЕКСЕЯ УГЛОВА
Рисунки А. КАНЕВСКОГО

Тарас сидел у двери и мрачно смотрел на высокую белую дверь, расписанную золотыми узорами. Мягкий стул дышал под Тарасом, утягивал его в себя. Тарас ерзал на стуле, стараясь сесть прямо, но стул опускал свое сидение все ниже и ниже—Тарас сидел в ямке. Он прислушивался: не проснулся ли за дверью пан? Не пошевелился ли? Пан не любит, чтоб звонить, звать,—Тарас сам должен услышать; как заскрипит под паном кровать, войти, поцеловать руку у пана и помочь ему одеться. А разве услышишь за дверью? А рано войдешь, опять беда—разбудишь.

Следя за узорами на двери, за птицами золотыми на голубом шелку кресел, за изгибами ножек диванчиков, столиков, стульев, Тарас думал о том, что стряслось с ним за последние годы. Вот уже и село, и мачеха, и сестры—далеко; вот уже кухня на панском дворе, и повар, и старый пан далеко; даже Варшава далеко—круглый мост через Вислу; вот уже и дорога из Варшавы на Петербург, бесконечная дорога, с лютым морозом, с огромным открытым небом, с мерно колыхающимся седым задом лошади, с визгом примерзающих к земле полозьев—и дорога уж далеко-далеко, заслонил ее огромный туманный город; вот уже полгода сидит он в панском особняке среди гнутых ножек, золотых птиц на голубой шелковой мебели. И детство, и Варшава уходят все дальше и дальше, отходят в темноту перед этой белой, раззолоченной дверью.

— Та-рас!

— Ой, пан проснулся!

Тарас вскочил со стула, тихо отворил высокую дверь и скользнул в спальню. В спальне полумрак; солнце, просачиваясь сквозь малиновые шторы, розовыми воздушными лужицами лежит на паркете. Тарас на цыпочках подошел к постели.

Павел Васильевич, опираясь на высокие подушки, маленьким гребешочком расчесывал волосы.

— Ты это что же? заснул, а?—тихо спросил Павел Васильевич.

Он протянул руку к кругленькому столику, который стоял близ кровати. Тарас подскочил к столику, подал пану флакончик с духами и на лету поцеловал белую панскую руку. Павел Васильевич вылил себе духи на ладонь и стал ладонью приглаживать редкие волосы.

— Ты что же это заснул, а?—повторил он.

Тарас знал, что если Павел Васильевич уж начнет о чем-нибудь спрашивать, то не отстанет, пока не добьется ответа.

— А я так... я думал,— ответил Тарас.

— Думал?—Пан почти до самых волос поднял узкие брови.—О чем же это ты думал? Что же ты такое думал? Interessant.

— Я заснул!—не выдержав, крикнул Тарас.

— Woila, так бы и говорил,—сказал Павел Васильевич, снова проводя гребешком по своим редеющим волосам,—так бы и говорил, что, хотя мой пан приказывал мне не спать и сидеть у дверей и ждать, пока пан проснется, я на-пле-вал на моего пана и заснул. Как ты стоишь? Руки нужно по швам держать. Теплой воды принеси, подними шторы и подай пану халат и туфли да не топай! Пошел!

Вымывшись, Павел Васильевич надел халат и туфли и вышел в столовую кушать кофе. Пан пил кофе из маленькой фарфоровой чашечки, а Тарас стоял у двери против стола и не спускал глаз с панского лица. Тарас должен сам заметить, чего пану хочется: молока в кофе подлить или положить еще один кусок сахара, и Тарас должен подбежать к столу и налить пану в чашечку молока или положить сахара. Тарас во все глаза смотрел на пана. Он знал уже каждую черточку этого лица и ненавидел каждую черточку. Ненавидел высокий бледный лоб, ровный, без единой морщинки; ненавидел серые большие глаза с длинными ресницами; ненавидел тонкие губы и белые ровные зубы—ненавидел все это бледное, красивое лицо.

После кофе Павел Васильевич пересел со стула в кресло. Это уже значило, что нужно подать ему газету и трубку. Пан читал газету, играя тяжелыми кистями халата, а Тарасово дело следить за трубкой: не погасла ли? Не подать ли другую? А может, заново табаком набить?

Вот пан бросил на пол газету, встал и, потягиваясь, пошел в кабинет. Когда дверь кабинета затворилась, Тарас побежал вниз, в людскую: настало время звать Петра давать пану одеваться. Второе одевание пана торжественное и сложное; пан уже не халат надевает, а облачается в полковничий гвардейский мундир и одевает пана не казачок

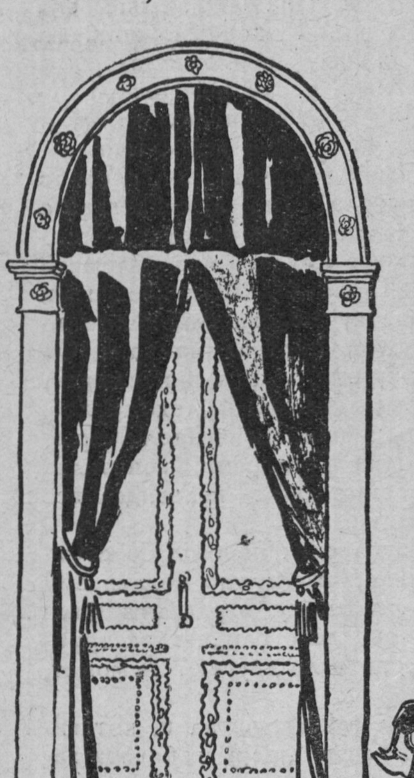
Тарас, а камердинер Петр. Петр, молчаливый седой высокий, медленно поднялся по лестнице, неся перед собой на руке панский костюм. Он был очень строгий: слуги называли его по отчеству Петром Степановичем. Петр вошел в кабинет, а Тарас остался стоять у закрытой двери: а вдруг пан позовет найти перчатки или платок, или подержать шпагу, пока Петр застегивает на мундире тугие, блестящие пуговицы?

Скоро Павел Васильевич вышел из кабинета, одетый, сверкающий пуговицами, орденами, эполетами и белоснежными перчатками, звенящий шпорами, благоухающий духами и краской для волос. В мундире он был важным, торжественным и занимал в комнате очень много места... Тарас сорвался распахнуть перед паном дверь в переднюю, но пан снова повернул к кабинету и, криво усмехаясь, запер дверь на ключ. Ключ положил в карман.

Гулко хлопнула выходная дверь, звонко щелкнула дверца кареты и зацокали копыта. Он уехал. Уехал!

Тарас знал, зачем пан запер кабинет на ключ. Как-то раз, когда пана не было дома, Тарас зашел в панский кабинет и начал читать книгу. Много книг в кабинете на полках и в стеклянных шкапах— польских, русских, французских. Дуня Гашковская полька, она выучила Тараса читать по-польски, и вот он нашел у пана книгу Игнатия Красицкого „Басни“, начал читать. Зачитался, не слышал, как пан приехал домой, как вошел в кабинет. Тогда-то пан ничего не сказал, а теперь...

Тарас убрал со стола, отнес грязную посуду на кухню; застлал панскую постель; повесил халат в шкап, трубку повесил на стену; вытер пыль с флакончиков, вазочек, шкатулок, портретов, со столиков и каминных полок — в спальной, в проходной, в гостиной, в столовой. Поставил по местам стулья, огляделся вокруг, прошелся по комнатам — все на месте, больше нечего делать Тарасу. Внизу, на кухне, дребезжит посуда, гудит плита, стучат ножи — там работают, а Тарасу пан не позволяет на кухне работать: Тарас должен быть при комнатах, Тарас „комнатный казачок“— двери отворять, трубку подавать, пыль вытирать, вот это его дело.

Тарас ждет, когда проснется пан.

Казак! Казачок! Разве казаки такие были? Не бегали казаки вокруг ляхов с подносом.

Уйти погулять? Петр увидит—нажалуется пану. Да и пан может скоро вернуться.

Тарас подошел к окну. Напротив—большой серо-зеленый дом в три этажа. Вывеска над окнами первого этажа „Книжная лавка Н. П. Кузьмин“. Дождик идет. Ну и лето-ж в этом городе—что день, то дождь.

Тарас отошел от окна. Вещи тихо сидят по местам, сторожат Тараса. Разбить бы их, чтобы они перестали молчать и подсматривать, а зазвенели бы, загрохотали, застучали и рассыпались в мелкие дребезги, чтобы не было их, чтоб Тарас мог убежать, уйти. Куда уйти?

Тарас бросился в кресло—оно хрустнуло—и спрятал лицо в его рыхлую бархатную спинку.

Куда уйти? В Варшаве он всего неделю учился у знаменитого Лампи, художника. Недолго Тарас учился у Лампи, и ничему не успел научиться, но зато Тарас теперь уже знает, куда ему хочется. В мастерскую, в светлую просторную мастерскую, где пахнет красками, где со стен смотрят картины и под складками занавесок прячутся картины, где высокий худой учитель Лампи, коверкая русские и польские слова, показывает, как надо рисовать. А сам он рисует, боже ты мой милостивый, вот хорошо-то. И панночек-то так нарисует, что каждая ресничка и каждая складочка на платье выписана, и румянец-то на щеках—так и дышит—живая сидит.

Тарас поднял голову. Вещи тихо стоят по местам, молчат, подглядывают, сторожат. Разбить бы все..., но среди панских вещей есть одна такая вещь. Если бы можно было, отнес бы ее Тарас к себе в каморку, повесил бы на стену и любовался бы ею весь день. Картина висит над круглым столиком, где часы, картина в темной золотой раме. Тарас усаживается в кресло так, чтобы стекло картины не блестело ему в глаза, чтобы лицо ясно смотрело из-под стекла. На картине нарисована молодая панночка. Она сидит в кресле, улыбается: белые, голубоватые руки держит на коленях, а в руках нераскрытый сложенный палочкой веер. На ней прозрачное белое платье и высоко зачесаны волосы. Темные глаза смотрят чуть-чуть косо, а на губах легенькая улыбка— вот-вот соскользнет с губ и колечком упадет на подол, в колени. Тарас во все глаза смотрит на панночку: как это живописец нарисовал такую улыбку, какими красками, какими линиями?

Улыбка не падает с губ, улыбается панночка Тарасу со стены. На кого похожа эта нарядная панночка, чьи это косые глаза? Э, да это Оксана так смотрит, когда прячет Тарасову шапку и не говорит, куда запрятала, и не понять по ее глазам— сердится она, или смеется, или заплачет сейчас. Где-то теперь Оксана? Три года ее не видел Тарас. Стала уже дивчиной, а може жинкой? А Катря? Бачь свою дитину качает? А может, она умерла на панщине, как мама. Старый дід—тот уж наверно умер.

Вечером, когда поздние летние сумерки вошли в окна и спрятали вазочки, чашечки, часы и картины, вернулся Павел Васильевич. Он быстро взбежал по леснице, сверкнул в темных зеркалах своим мундиром, велел Тарасу зажечь свечи в спальной, подать свежую пару перчаток; бросил снятые пер-

Одевает пана камердинер Петр.

чатки на ковер, велел сейчас же потушить свечи и, торопливо сбегая по лестнице вниз, крикнул Тарасу, что вернется он поздно, что Тарас должен ждать его и открыть ему дверь и помочь раздеться. И снова под окнами зацокали подковы лошадей, загромыхали колеса: пан уехал.

— В трактир вечерять поехал, а оттуда на бал. Интересан!—громко сказал Тарас, засмеялся и побежал в свою каморку, вниз, смело стуча каблуками высоких русских сапог.

Его каморка под черной лестницей была похожа на шкап. И, как полка в шкафу, зажата меж стенками Тарасова узкая койка. Под потолком окошечко, но свету оно не давало, потому что выходило прямо в стену. В каморке пахло навозом: как-раз напротив нее стояла конюшня, и Тарас часто по ночам, в тишине, слышал, как тяжело переминаются с ноги на ногу лошади, гулко стуча копытами в деревянный настил.

Тарас, шаря руками по мокрой стене, попал, наконец, под матрац и вытащил оттуда лист бумаги, еще один лист, карандаш... Он вернулся в гостиную. Вынул свечу из канделябра, воткнул ее в бронзовый подсвечник с висюльками, что стоит на камине, и зажег. Снял часы с круглого столика, поносил их по комнате, как ребенка. Куда их поставить? Поставил на пол. На столике разложил чистый лист бумаги, а рядом — рисунок. Никто не придет, в людской тихо. Перенес подсвечник с камина на столик, осветил рисунок: храбрый генерал с усами, и вся грудь в медалях. Пламя свечи колеблется над генералом; усы пронзают воздух, хмурятся густые брови. Тарас украл эту картинку на одном постоялом дворе, по пути из Варшавы в Петербург: содрал ночью со стенки.

Тарас сует карандаш в рот, сосет его; разглаживает ладонями чистый лист бумаги и начинает рисовать. „Ой по під горою",—запевает он, сам того не слыша, — „по під зеленою". В комнате темно, лишь круглый столик со свечкой ярким островом стоит во тьме. Голова седого генерала появляется на бумаге. Тарас быстро-быстро, мелко-мелко рисует волосы.

А за окнами тьма и дождь хлещет в окна.

Вот уже готовы брови, нос, глаза. Тарас уже не поет: широко раскрытыми глазами он вглядывается в лицо генерала на печатном рисунке, и наклоняясь над своим, морщится, трясет головой, хмурит брови и сердито чертит карандашом по бумаге. В упор, насупившись, должен смотреть генерал; Тарас туда поставил точку в глазу, надо не посередине, а в уголышке. Хмурится Тарас, трясет головой и вонзает точку в глаз.

Быстро летят часы. Уже нарисованы и плечи и грудь. Торчат кверху усы генерала, — вот только сидит он как-то неладно, будто с коня валится, нужно трохи подправить, а бронзовые часы на полу серебряными звоночками наспех отстукали двенадцать, а Тарас не слышит звона, Тарас рисует и ни о чем не думает, ничего не слышит.

Он не слышит, как в шум дождя врезается грохот кареты, пересекающей улицу, как щелкает дверца...

Тарас, низко наклонившись над бумагой, рисует кружочки медалей. Тарас не слышит, как хлопает внизу дверь, не слышит быстрых шагов на лестнице.

Пан входит в комнату, останавливается на пороге и срывает с рук перчатки. Тарас вздрагивает и удивленно смотрит вокруг: огарок свечи, тени, пан. Где это он?

Пан глядит на генерала.

— Негодяй!—кричит пан, хватает Тарасов рисунок и, сложив его вдвое, проведя по сгибу розовым длинным ногтем, рвет на мелкие клочки.—Лайдак! Дом спалить хочешь!—и белой длинной перчаткой бьет Тараса по лицу.

———

На другой, и на третий день, и на четвертый— пан ни слова не говорил Тарасу о генерале, о свече, о пожаре: совсем с Тарасом не разговаривал. А на пятый день заговорил. Утром, читая после кофе газету, он вдруг опустил ее на колени и спросил:

— Ты что же это—рисовать хочешь?

— Хочу!—громко ответил Тарас.—„Все картины со стен снимет и в кабинете на ключ запрет. Пес на сене! Так я тогда из головы малевать буду",— злобно думал Тарас.

— Я на-днях у графа Баранова был,—снова заговорил пан, складывая газету ровненько надвое и проводя по сгибу розовым длинным ногтем, совсем как тогда, как с генералом;—графский дворцовый хлопец, Антошка, так плафоны расписал—на удивленье! Что твой француз или немец! В столовой, над люстрой, все женщины, женщины, женщины и в них купидоны из луков целятся, и кругом все цветы, цветы... Дворовый хлопец! В твоих летах! Он у Ширяева, у комнатного живописца, на Васильевском учится. Я уже уговорился с Ширяевым. Деньги за тебя платить буду. Понял? Пан о тебе хлопочет, пан тебя благородному искусству обучает, пан пи-та-ет на-де-жду, что ты не будешь лодыря гонять.

Тарас молча смотрел на кисти панского халата. Они взметнулись, когда пан крикнул „понял", и качались туда назад, туда назад, как маятник на часах.

——

С понедельника Тарас начал учиться живописи у комнатного живописца Ширяева.

Комнатный живописец Ширяев рисует очень плохо. (Никогда ему не намалевать такой панночки, какая висит в проходной у пана Энгельгарда, да нет, куда!). Класс у комнатного живописца Ширяева—сырой темный подвал, а не просторная зала; комнатный живописец Ширяев ничему не учит своих учеников, а только поручает им исполнять заказы, которые полегче; старшие показывают младшим рисовать розовых, жирных купидонов и розовых жирных женщин, прикрытых голубыми, прозрачными шарфами; комнатный живописец Ширяев пьянствует каждый вечер.

Все это разглядел и понял Тарас на третий день своего учения.

И все-таки сердце его было переполнено счастьем.

Костюм казачка—высокие сапоги, красную с позументами лакейскую рубаху — снял Тарас, оделся в старую свитку да в драные шаровары—старое, драное, а все не такой дурацкий наряд. Сидеть у двери не надо и в панское лицо смотреть не надо. Вещи больше не сторожат Тараса, город за окнами отдан Тарасу—ходи, смотри.

К Ширяеву нужно являться в 7 часов утра.

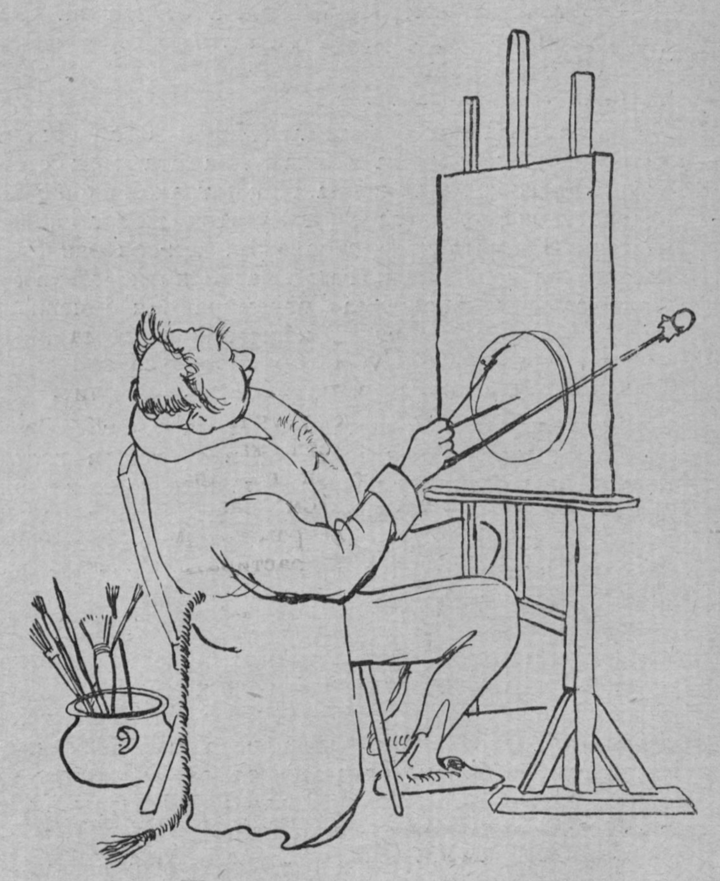
Сегодня Тарас начал просыпаться с 5 часов, чуть побелело немного. Часы наверху, в столовой, ходить далеко. А как разобрать четыре, пять или шесть, если перед окном стена, солнца не видно, птиц не слышно. С каждым днем светлеет все позже и позже, к осени дело идет. Наконец, Тарас не выдержал— вскочил, оделся и тихо-тихо, на цыпочках, поднялся по лестнице в столовую. В столовой совсем ночь: шторы опущены, темно, и часы тикают по ночному— звонко. Глянул Тарас на часы—5 часов, рано еще. Вернулся к себе, лег, решил не засыпать, а так только, полежать с закрытыми глазами. Перед глазами побежали какие-то белые лошади, потом степь — ковыль, ковыль, ковыль... Тарас тряхнул головой и открыл глаза. Заснул, проспал, опоздал! В каморке светло, видны капельки сырости, ползущие по стене.

Тарас сунул в карман кусок хлеба, приготовленный с вечера, и с черного хода вышел на улицу. На улице сыро, погано: туман не туман, дождь не дождь, утро или вечер? Город спит во всю мочь перед тем, как проснуться. Пусто. Один Тарас, засунув руки в карманы, топает по улице. Тарас вышел на Сенатскую площадь. Экий собор огромный! Столько раз он видел его и всякий раз снова удивляется: эка огромный собор! Собор оплетен лесами, черными от сырости. Рабочие еще не пришли, и собор тихо сидит в своей деревянной клетке.

На мост, навстречу Тарасу, поднималась пролетка. Блестел черный лакированный кузов, блестела шерсть вороных коней. На высоких козлах кучер в цилиндре, на запятках лакей в золоченой ливрее, а в пролетке барин: голова подпрыгивает на подушках, мотается; шляпа сползла на лоб, сейчас на нос сядет; шелковый пестрый бант обвис, увял, как растоптанный цветок.

— Пьяный, як дым!—решил Тарас.—Верно поздно, коли уж с балов по домам панов развозят, и прибавил шагу.

Тарасу отворила дверь Аделаида Ивановна, толстая супруга Василия Осиповича Ширяева—вся голова в бумажках для завивки, босая, прямо с постели. Тарас пришел слишком рано. Василий Осипович еще спал, а Колька, Антошка, Митька еще не пришли. Не дослушав до конца длинную брань Аделаиды Ивановны, Тарас по деревянной лесенке спустился в подвал. В подвале темно: маленькие окошки под потолком пропускают сквозь грязные стекла не свет, а какую-то желтую муть. Но в подвале пахнет красками, все стены подвала перепачканы красками, и Тарасу весело, плевать, что темно да холодно. Он взялся за работу. Хозяин вчера велел приготовить образчик для ширмы: ваза, увитая цветами, а из-за вазы купидоны выглядывают. Вазу Тарас уже нарисовал, и купидонов тоже, но купидонов надо еще выкрасить. Тарас обмакнул кисть в чашку с розовой краской. Тела у купидонов розовые, пухлые, жирные. „Купидоны,—объяснил Тарасу Колька,—приносят любовь". Тарас посадил на картон розовое пятно, потом пригладил, округлил его кистью—вот и щека купидона готова. Купидоны все щекастые, между щек и носа не видно. Тарас снова опустил кисть в краску, помешал ею так, что брызги заляпали пол,—и вдруг залился громким смехом. Он долго смеялся, глядя на то место, куда посадил щеку купидона. Он вдруг увидел, что это щека не купидона, а Аделаиды Ивановны. Обмакнул кисть в коричневую краску—и вот коричневые, туго скрученные тесемками рожки волос вскочили над узким лбом Аделаиды Ивановны—плещется в желтой чашечке, сыплет брызгами кисть—и вот

А сам Ширяев вычерчивает циркулем круг.

сухое желтое ухо выглянуло из-за розовой пухлой щеки.

Тарас стоял, подергивая свои книзу растущие усики и раздумывал: какие надо краски смешать, чтобы получился зелено - серо - желто - грязный хозяйкин глаз, когда в подвал вбежали Антошка и Митька.

— Ах ты, собачий сын,—восторженно вскрикнул Митька хриплым и тонким, срывающимся голосом.—Ах ты, чорт, что выдумал!—Он запрыгал на месте, подтягивая русские высокие сапоги, спадающие с ног.

— Ручки, ручки ей на животик!—кричал Антошка.

На лестнице раздались грузные, медленные, сбивающиеся шаги Василия Осиповича.

— Пьяный, слыхать!—сказал Митька. Тарас сунул кисть в розовую краску и шлепнул на картон широкое розовое море, и утонули в море очертания Аделаиды Ивановны.

По аллеям гуляют нарядные дамы и кавалеры.

Ширяев не спешно крестился на угол и стал надевать синий халат. Ширяев не надевал халат, а вступил в него, как в квартиру: сначала в один рукав, потом в другой, а затем уже в широкое, просторное помещение всего халата.

Тарас быстро начертил голову купидона и, улыбаясь, смотрел на нее, все еще видя под ней лицо Аделаиды Ивановны. Митька малевал красные розы для карниза, а Антошка, сопя носом и насупившись, придерживал большой лист бумаги, на котором сам хозяин вычерчивал циркулем круг.

В мутном подвальном свете лица мальчиков были зелеными. Пахло сыростью и водкой.

Так проходили дни.

У белой с золотыми узорами двери Тарас сидел только по воскресеньям. А через месяц совсем исчезла из его жизни белая с золотом дверь: он переехал жить к Ширяеву, на Васильевский остров, в подвал.

Новый хозяин у Тараса—Ширяев. Пан тоже хозяин, но пан далеко, а на каждый день хозяин—Ширяев. Жить у Ширяева скучно. Воду таскай, помогай Аделаиде Ивановне стряпать, мажь дегтем сапоги Василия Осиповича, взбивай перины да получай подзатыльники. Пусть бы себе и сапоги мазать, и перины взбивать, и подзатыльники ловить—не то худо; худо то, что нечему учиться у Ширяева.

Запах красок и тугие кисти, жадные до краски, не радуют больше Тараса, не наполняют счастьем его сердце, как два месяца тому назад. Он уже научился смешивать охру с ультрамарином, чтобы получить зеленый, и научился растирать краску на мраморной плите, научился малевать и вазы, и цветы, и купидоны. Купидонов Тарас рисует даже лучше Василия Осиповича. У Василия Осиповича они синеватые, словно бы с морозу, а у Тараса розовые, что поросяточки. Купидоны, купидоны—а дальше? Дальше чему научит его Ширяев?

А в свободные от купидонов и перин минутки, больше вечером, Тарас бродит по городу. Поганый город, каменный, мокрый, холодный, но когда Нева спокойна—в черной воде огни стоят высокими столбиками золотых монет, вот-вот зазвенят и рассыпятся!—и глаз не оторвать от огней; а когда Нева бурлит и бушует, и быстро мчатся тучи в перегонки с серыми волнами, и скрипучие баржи, высоко поднятые водой, кажется вот-вот разнесут мост,—тогда любо Тарасу смотреть на реку.

Однажды днем Тарас проходил мимо Летнего сада и увидел, что там, среди черных стволов и желто-красных листьев, стоят белые статуи голых людей. Вот где можно выучиться людей рисовать, не купидонов, а людей. Можно рассмотреть, потрогать, как руки, как ноги, как голова приставлена. Они будут тебе стоять—хоть день весь рисуй—не шелохнутся. Но зайти в сад Тарас не решился: по широким аллеям гуляли дамы, пышные и нарядные, как осенние клены, и черные кавалеры в высоких цилиндрах. А на Тарасе тиковый синий халат, заляпанный краской, рваный картуз и в руках у Тараса ведро и кисть,—не пустят, прогонят.

ТЕЛЕГРАММА Москва, Новая площадь, 6. ПИОНЕР

От вашего специального корреспондента тов. Хазина

Смоленск 15 сентября

Сегодня в 17 часов флаг, поднятый над копром шахты № 1 калийного рудника, возвестил о «вхождении в соль» на глубине 100 метров. Этим закончился первый, самый опасный, этап проходки шахты № 1. Работа ведется бесперебойно, с величайшим напряжением как со стороны рабочих, так и тех. персонала.

ПАРТИЯ ПРОВЕРЯЕТ СВОИ РЯДЫ

Очерк В. СУВОРОВА

От хибарки до Кремля

Тридцать один год тому назад, в крохотном одноэтажном домике в городе Минске, собрались всего лишь десять человек. Это был первый съезд партии. С огромным трудом собрались делегаты на этот подпольный съезд. Их было десять. Десять человек были избраны на съезд кучкой российских революционеров, которые сами бы, все вместе, в то время легко уместились в маленьком зале Минского театра.

Делегаты на последний XV съезд партии были избраны полуторамиллионной громадой Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Тридцать один год тому назад—горсточка отважных революционеров. Сейчас—величайшая в мире партия, ведущая рабочий класс к социализму.

За это время партия прошла славный, победный и трудный путь. Вот цифры, которые, как верстовые столбы, расскажут о годах и верстах, которые отмахала партия.

Славная арифметика

На съезде партии, который состоялся в 1905 г. за границей в городе Стокгольме, мандатная комиссия подсчитала эти интересные и волнующие цифры... На съезде было 140 делегатов. Если сложить все годы, проведенные делегатами Стокгольмского съезда в тюрьмах, то получится 138 лет и 3½ месяца. Если же сложить количество лет, проведенных делегатами этого съезда в ссылке и на каторге, то получится 148 лет и 6½ месяцев. Из тюрьмы бежало по одному разу 18 человек, по 2 раза — 4 человека. Из ссылки бежало по одному разу 23 человека, по два — 5 человек, по три раза—1 человек. И если выписать эти числа—сроки заточения—одно под другим, поставить слева плюс, подписать черту и сложить по всем правилам обыкновенной арифметики, то под чертой получится страшная сумма: больше 50 тысяч дней и ночей делегаты этого съезда провели в промозглой сырости тюрем, около 60 тысяч дней—в каторжном отчуждении ссылки. 110 тысяч дней и ночей!

Партия борется за поднятие производительности труда. Костромская партячейка вывесила доску прогульщиков.

О чем трудно рассказать цифрами

Какими качествами нужно было обладать старому большевику в этих тяжелых условиях? Ответить нетрудно. Мужество, непоколебимая вера в то, что наступит Великий праздник и на улице пролетариата, беззаветная преданность революции—вот черты старого большевика. Благодаря этим чертам партия прошла свой славный путь.

Общество, которое делается все меньше и меньше

У нас за последние годы выросло много всяких обществ. ОДН, Осоавиахим, МОПР и другие. Ряды этих обществ увеличиваются с каждым годом. В рядах МОПР'а не так давно насчитывались лишь сотни членов, а теперь много десятков тысяч. Тоже и с другими обществами.

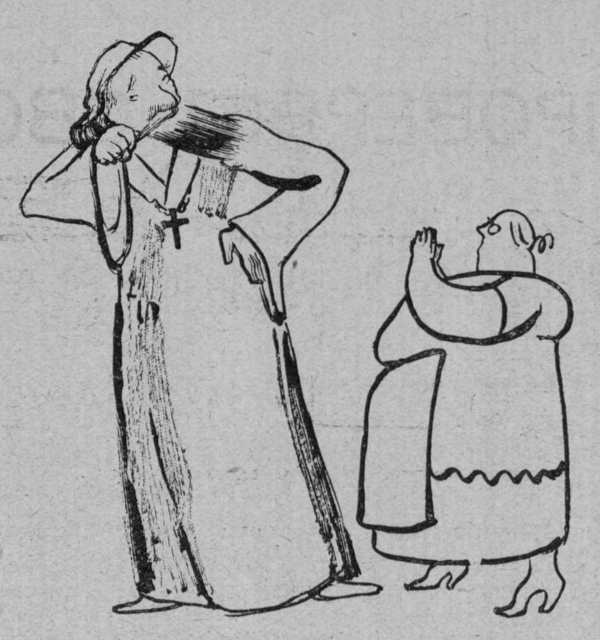
Но есть одно общество, центральное правление его помещается в Москве, на Волхонке, численность которого уменьшается с каждым годом. Это общество старых большевиков-коммунистов, вступивших в партию до 1917 г., до того года, когда партия пришла к власти.

Общество старых большевиков редеет с каждым годом. Вот в августе упал с аэроплана в море и утонул старый большевик, краснознаменец, командир Фабрициус. В этом же месяце умер старый большевик—ученый Фриче.

В нашем полку прибыло

Но большевики не вымирают, как мамонты: на смену старым большевикам идет смена—выковывающая в себе те же черты, те же качества. После октября 1917 г. в партию пришла молодежь и часть тех взрослых рабочих и крестьян, которым революция впервые раскрыла глаза. В

партию принимались лишь те, кто вышел из среды рабочих и крестьян и пользуется среди них безусловным доверием. А из другой среды принимались лишь те товарищи, которые на деле доказали свою преданность революции.

Уж как, матушка, решусь я, так решусь...

Партийная застава

Партия в течение последних двенадцати лет устанавливала многочисленные „рогатки“ для того, чтобы в ее ряды не проникали чуждые люди. В самом деле, если предположить, что в партию в большом количестве проникают вредители советского дела, то что тогда было бы? Такая партия не могла бы руководить рабочим классом и крестьянством. Вместо руководства, она вела бы их под откос. До того, как партия пришла к власти, ей не нужны были „чистки“, ее „чистили“ ежедневно и еженощно городовые и жандармы. Под страхом этих „комиссий по чистке партий“ шкурник, мелкий зловонный себялюбец, в партию не вступал.

Положение дел изменилось, когда партия пришла к власти, а особенно с тех пор, как окончательно укрепилась в пламени гражданских боев власть Советов. Теперь жандармы не беспокоят коммунистов, теперь, пользуясь званием коммуниста, можно порой лучше устроиться, а порой и больше... повредить этой же партии. Шкурники и вредители всех видов и мастей стали стремиться попасть в партию. Уже в 1919 г. поэт обращается к партии:

Не пускайте вы мышей стеречь муку!
Много нынче всякой швали
К нам бежит!

И несмотря на все препятствия, на все строгости приема в партию, многим чуждым удалось и удается проникнуть в партию.

Первая чистка

В 1921 г., по окончании гражданской войны, по предложению Ленина была проведена первая генеральная чистка партии, во время которой было выброшено вон 174 900 человек. А за время с 1922 г. по 1928 г. было исключено из партии контрольными комиссиями 260 000 человек. Таким образом, за семь лет партия выбросила из своих рядов более 400 000 человек, пролезших в партию и в той или другой форме приносивших вред рабоче-крестьянскому делу.

В партию и до революции пролезали открытые враги с целью разузнать имена членов организации, их деятельность и об этом донести полицейской охранке. Эти люди носили позорнейшую кличку—провокаторов. Так член IV-й государственной думы, представитель рабочих-большевиков Григорий Малиновский, талантливый оратор, на которого Ленин возлагал большие надежды, оказался секретным агентом департамента полиции (был разоблачен в 1913 г. и расстрелян советским судом в 1918 г.). Не мало бывших провокаторов обнаружили за годы революции. И во время теперешней чистки обнаружилось, что председатель Красноярского окрисполкома Полюдов был колчаковским провокатором.

Вновь проверить ряды партии, подвергнуть биографию каждого члена партии внимательнейшему обследованию, выбросить из рядов партии врагов революции—такова первая задача генеральной чистки.

Интернационал на клиросе

Тов. Ярославский рассказывал на Всероссийской партийной конференции о том, что в Сочинской организации была обнаружена бывшая помещица, которая вступила в партию после гражданской войны. Свое вступление в партию она отпраздновала... особой церковной службой у попа. И в Сочи рассказывают, что в этот день хор на клиросе пел „Интернационал“. Не в церковную службу, так в дружбу.

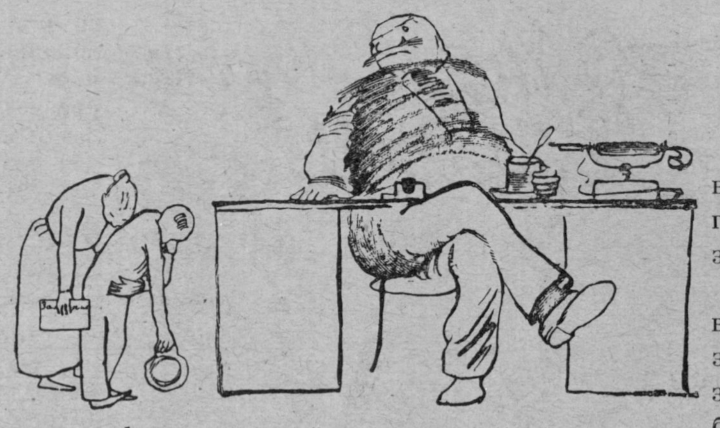
Как не вспомнить тут знаменитое стихотворение Демьяна Бедного, описывающего мечты одного попа:

Уж как, матушка, решусь я, так решусь.
В коммунисты, коммунисты запишусь.
С продовольственным вопросом я знаком,
Проберуся комиссаром в Упродком.
Будет вновь у нас и масло и крупа.
Поцелуй же, мать, в последний раз... попа.

Всех этих „пробравшихся“ и еще не обнаруженных во время генеральной чистки — за ушко да на припек общественного солнышка.

Новая генеральная чистка

С невероятным напряжением партия осуществляет пятилетний план развития народного хозяйства. Задачи пятилетки требуют дружного, беззаветного напряжения сил членов всей партии, вот почему именно сейчас, когда партия начинает план своего строительства, необходима ее генеральная чистка. Генеральная чистка должна изъять не только явных врагов—шпионов и вредителей. Мешает и должен быть выброшен из партии и тот коммунист, который не понимает и не хочет понимать задачи партии, тот, кто забывает о том, что партия защищает интересы определенного класса в напряженной борьбе с другими классами населения.

А-аа... гммм... зайдите через недельку...

Кожаное кладбище

Мешает и должен быть выброшен из партии тот горе-коммунист, который забюрократился.

Поставленный на ответственную работу, он забыл о главной своей задаче: быть чутким к рабочим и крестьянам, не отрываться от них. Как часто такой „коммунист“ сидит, с эдакой неприятной тупой величественностью на лице, в своем кабинете и сверху вниз поглядывает (а то еще и поплевывает) на „бедных посетителей“—рабочих и крестьян. Над ним не каплет. Он не торопится ни с одним делом. И его портфель—это кладбище, где похоронены десятки нужных предложений, неотложных просьб. Какой же он коммунист-большевик? Этому двуногому недоразумению, с партбилетом в кармане, не место в партии.

„Свой человек“

Если он мечтает жить и работать рука об руку с кулаком и нэпманом, стремясь к дружбе с ними и боясь ссоры с ними, то какой же он большевик-коммунист? Не место ему в партии. Коммунист никогда не должен забывать о своих классовых врагах. Человек, с партбилетом в кармане, который мечтает построить новое общество, дружными усилиями рабочих, крестьян и... кулаков, засоряет ряды партии.

— Этот хотя и коммунист, а ничего—свой человек,—говорят о таком кулаки.

— Это—чужой нам человек,—скажут коммунисты.

Коммунист с 9 до 3

Мешает и должен быть выброшен и тот коммунист, который относится казенно к своей работе. Отработал свои часы, получил свое жалованье—и айда домой, где он готов с наслаждением созерцать свой собственный пуп. К общественной работе он равнодушен, жизнь партии и трудящихся его мало интересует. Какой же он коммунист-большевик? Не место ему в той партии, которая еще двадцать шесть лет назад, на своем втором съезде, устами Ленина отвоевала необходимость для каждого члена партии не только платить членские взносы, но и активно участвовать в революционной общественной работе.

Сахар Медович Подхалимцев

Мешает и должен быть выброшен из партии подхалим, этакий вертлявый чиновничек, бегающий мелкой рысью перед старшим начальством и смотрящий с непреодолимой тоской на тех, кто ниже его. Подхалим не имеет своего мнения и всем гадливым существом роняет авторитет партии. Подхалим—это шкурник, помазанный медом льстивых, неискренних речей и чужих, постоянно берущихся напрокат мыслей. Какой же он коммунист-большевик? Не место ему в партии.

Сор из избы

Богата и разнообразна галлерея тех людей, которые должны быть вычищены из партии. Мы привели лишь ряд примеров. В полуторамиллионной семье коммунистов есть не мало уродов. **По сравнению со здоровой частью партии они ничтожная кучка.** И партия решительно выметет этот сор из своей необъятной избы... Подавляющее большинство партии состоит из преданных революционеров, из стойких коммунистов. Заветы Ленина, заветы старой большевистской гвардии живут в сердцах сотен тысяч коммунистов.

Генеральная чистка должна выкорчевать с корнем все то, что произрастает чуждым, ядовитым растением на ленинской, большевистской почве.

КАКАЯ НАМ НУЖНА ДРУЖБА

(ПОСЛЕДНИЙ МИТИНГ)

КУЗЬКА. Ребята! Митинг считаю открытым. Сегодня собираются выступать два замечательных оратора: уважаемый товарищ Бонч-Бруевич и ленинградский пионер Петя Штольц, который о дружбе имеет совсем новое представление.

Первое слово имеет деткор Кнут из Твери.

КНУТ. В лагере-санатории ребята первой базы фабричного района систематически били пионера Соколова. Его и еще двоих пионеров избили однажды до синяков. Грозили избить еще некоторых ребят. Человек пятнадцать уехали из лагеря из-за страха быть побитыми. Администрация лагеря ничего не делала для усмирения бузотеров. Один вожатый 4-го отряда кое-что сделал...

КУЗЬКА. Кто же это там так хулиганил?

КНУТ. Вот кто: В. Булыгин, И. Строганов, П. Яковлев и другие. И что особенно меня возмущает, так это то, что среди них есть пионер-комсомольцы. А это очень плохо, когда пионер-комсомольцы мешают дружбе всех ребят.

КУЗЬКА. Сейчас будет говорить Вася Овчаров из Харьцызска.

ОВЧАРОВ. В нашем отряде с дружбой плохо. На сборах еще ребята сдерживают себя, но как только выйдут на улицу, так сейчас же начинают ругаться друг с другом. Многие старшие ребята отказываются быть в одном звене с младшими. Зато эти старшие ребята здорово ухаживают за пионерками.

КУЗЬКА. Говорит Леванидова из г. Шенкурска.

ЛЕВАНИДОВА. По-моему, дружба должна быть во всей группе. Такая дружба вполне возможна. Хотя в группе у ребят зачастую и разные интересы, но совместная работа над проходимым поможет завести товарищеские отношения. Достигнуть их можно еще организацией коллективных групповых игр на переменах, групповыми вечерами самодеятельности, групповой помощью бедпякам, отстающим т. д.

КУЗЬКА. Теперь ребята—внимание и жуткая тишина. Сейчас выступит со своими идеями о дружбе ленинградский пионер Петя Штольц.

ГОЛОСА. Просим! Просим!

ПЕТЯ ШТОЛЬЦ. Ребята! Я, к сожалению, не был на предыдущих митингах. Я просто прочел их в журнале. Я много подумал, прежде чем выступать, и записал кое-что на бумаге.

Я думаю, что дружбы между двумя-тремя ребятами не должно быть. Не должно быть дружбы между мальчиком и девочкой и между двумя девочками....

ГОЛОСА. Неправильно!

Его Чемберлен подослал!

Долой!!!

КУЗЬКА. Ребята! Тише, дайте оратору договорить, а уж тогда выступайте, кто не согласен. Говори, Петя.

ПЕТЯ ШТОЛЬЦ. Я ожидал, что мои слова так встретят. Но давайте я расскажу, почему я так думаю. Я часто видел, как из-за дружбы двоих людей страдал коллектив. Например, был такой случай: мы поехали звеном на пароходе в Петергоф. По недоразумению захватили с собой мало денег и сильно там проголодались. У одного пионера было три рубля. Так он не дал этих денег звену, а пошел со своим другом пообедал, поел мороженого и т. д. Как видите, друзьям хорошо, а звено осталось голодным. А вот вам другой случай: председателем учкома нашей школы был мальчик, а секретарем девочка. Они очень сильно сдружились. Перед зимними каникулами девочка поехала в Детское село к тетке. В это время должно было проходить учетное собрание учкома. А этот мальчик вместо собрания пошел провожать своего друга-девочку на вокзал. И собрание сорвалось.

Я уверен, что если здесь присутствующие подумают, то тоже вспомнят такие случаи.

ГОЛОС. Правильно, у нас было: подружился пионер с пионеркой и вместо дела стали друг другу в альбомы писать.

КУЗЬКА. Так как же, Петя, по-твоему надо дружить? Или, может, совсем не надо дружбы?

ПЕТЯ ШТОЛЬЦ. Дружба очень нужна. Когда коллектив дружен—работа идет лучше, веселей. Поэтому дружить надо со всем коллективом.

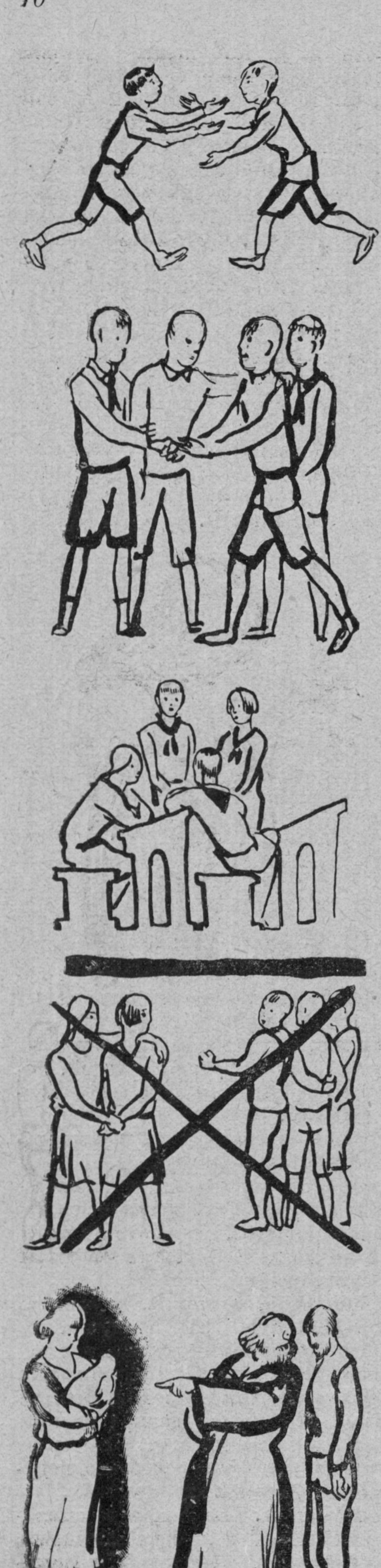
Ведь, в самом деле, почему какой-нибудь Коля оказывает предпочтение какому-нибудь Ване? Что же этот Ваня лучше всех, что ли? А остальные ребята, с которыми Коля работает над одним общим делом, хуже?

ГОЛОС. Конечно, не хуже...

ПЕТЯ ШТОЛЬЦ. Так, значит, надо товарищей по звену оставлять голодными, а самим есть обеды и мороженое? Или бросать из-за него общественное дело?

Я, ребята, знаю, что вы сразу со мной не согласитесь, но подумайте над тем, что я сказал.

КУЗЬКА. Кто хочет высказаться? Никого? Тогда слушайте внимательно, говорить будет старый большевик, товарищ Бонч-Бруевич.

БУДЕМ ДРУЗЬЯМИ

РЕЧЬ ТОВ. БОНЧ-БРУЕВИЧА.

Дружба должна вызывать поступки, направленные для удовлетворения нужды и потребности не только своей личной, но и других, и коллектива. А раз это так, то это чувство полезное, радостное и, самое главное, чувство социальное, а потому весьма необходимое для каждого коммуниста.

МОЖНО ЛИ ДРУЖИТЬ ЗВЕНОМ?

Мы знаем, что в жизни очень часто дружат между собой попарно, вдвоем, или очень маленькими кружками. Конечно, такая дружба хороша, но она слишком мала, неразвита, она находится лишь в зачаточном состоянии. Лучше всего дружить всем пионерским звеном. Но как это сделать? Не все друг другу в звене нравятся, не все друг к другу подходят. В жизни очень часто бывает, что первое впечатление обманчиво, а как поразберешься в человеке, то совершенно другое в нем найдешь, чего раньше и не замечал.

О МАЛЬЧИКАХ И ДЕВОЧКАХ

Я замечал, кроме того, что нередко девочки дичатся мальчиков, а мальчики—девочек. Они держатся отдельными группами, подсмеиваются друг над другом. Вот это совсем уж плохо. Разве в одной семье не дружат братья и сестры между собой? Так почему же мы не будем дружить, а будем ссориться в нашей общей семье, в нашей организации, в наших пионеротрядах, откуда пойдем в комсомол, а там и в партию коммунистов-большевиков? В старое время всегда унижали женщин, порабощали их, считали не равными мужчинам.

БАСНИ ПОПОВ

Попы всех религий большие и гнусные участники в том ужасном унижении и пригнетении женщины, которое мы видим и до сих пор на каждом шагу. Так неужели же теперь в нашей социалистической стране наши пионеры попадутся на эту старую, хитрую, подлую поповскую удочку? Нет, я глубоко убежден,что этого никогда не будет. Наоборот, всюду и везде пионеры-мальчики всегда будут самым лучшим образом относиться к пионерам-девочкам, будут с ними искренне и хорошо дружить, всегда заступаться за них, так как в жизни девочкам живется до сих пор хуже, чем мальчикам.

О „ЖИДАХ“, „ХОДЯХ“ И Т. Д.

Точно так же самым лучшим образом мы должны относиться к нашим товарищам других национальностей. Это вопрос и очень простой, и очень больной, и очень важный. В самом деле, если посмотреть на него простыми и ясными глазами, то даже сразу не очень-то поймешь, в чем тут дело. Рождаются на свет дети, каждый от своих родителей и, конечно, всякому понятно, что ни один ребенок отнюдь не причинен в том, родился ли он от поляков, или украинцев, или от русских, или от евреев, или от татар, или от армян, или от турок, или от негров, или от китайцев. Не все ли равно, в самом деле, от кого родился ребенок? Все дети—как дети: и шалят, и играют, и смеются, и плачут, и радуются, и растут, и учатся. Пока они маленькие дети—для них все одинаковы, и, смотрите, как дружны все малыши в яслях и в детских садах. Но когда они начинают подрастать и своим еще неокрепшим умом, как губка воду, начинают впитывать все, что вокруг себя видят и слышат, то нередко и получается беда.

От кого же беда?

От взрослых, от несознательных родителей, от тех, кто окружает детей.

Взрослых развратили попы всех религий, капиталисты, купцы, кулаки, мещане и просто глупые, недалекие, некультурные люди, и они набрались всякой глупости и гадости от всех истинных классовых врагов трудящихся. В польской, русской или украинской семье слышит ребенок всякую чушь про евреев, про турок, про поляков, про армян и повторяет эти разговоры и в школе, и на детской площадке, и на прогулке.

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ ПРАВДУ?

А знают ли пионеры, что во время армяно-турецкой резни, устроенной царским правительством

в Закавказьи, сотни армянских младенцев, детей, юношей, вот в таком возрасте, как вы, были растерзаны?

Знают ли дети об еврейских погромах, совершенных как царским правительством, так и белогвардейцами во время гражданской войны, после Октябрьской революции, когда десятки тысяч взрослых и столько же детей погибли в ужасных мучениях от руки раскодившихся головорезов, бандитов, всех этих украинских „батек“, русских черносотенцев и белогвардейских гнусных предателей, производивших свою окаянную работу на деньги международной буржуазии?

Знают ли дети и пионеры, что русские цари на Кавказе, „усмиряя“ вольнолюбивых горцев, срывали с лица земли десятки деревень и населений (аулов), вырубая сады, уничтожая все имущество, скот, лошадей и убивая людей? Знают ли дети, что царское самодержавие с невероятной жестокостью подавило три восстания польского народа, расправляясь с пленными поляками-повстанцами и их семьями так, как этого никогда не сделали бы самые свирепые разбойники или бандиты?

ДАДИМ ДРУГ ДРУГУ РУКИ!

Вот почему все мы, принадлежащие к большим народностям, жившие, несмотря на угнетение старого режима, все-таки в лучших условиях, должны особенно чутко, дружелюбно и предупредительно относиться к детям других национальностей, которые ранее много видели горя.

Но, кроме того, пионеры должны всегда помнить, что все они дети рабочих, крестьян, трудящихся и они все принадлежат к великому международному классу, за диктатуру которого во всем свете мы боремся.

Нужно, чтобы каждое звено по возможности было интернационально, чтобы в него входили дети различных народностей, чтобы дружба звена росла и крепла и чтобы никто в звене не чувствовал себя отчужденным, а все были крепко спаяны между собой, как действительно родные братья и сестры, спаяны вековечной радостной дружбой крепкого союза пионеров-товарищей.

ВИНОВАТЫ ЛИ ОНИ?

Но вот и еще возникает вопрос: как быть в наше переходное время с детьми кулака, нэпмана, бывших помещиков, священников всех религий и других нетрудовых элементов? Совершенно ясно, что дети сами не могли выбрать себе родителей. Они не виноваты, что родились там, где родились. Это верно. Но также верно и другое: что они воспитываются не только в чуждой, но большей частью в совершенно враждебной нам среде. Как быть здесь? Мальчик или девочка попадают здесь в ужасно тяжелое положение: они находятся как бы между двух огней. Школа, пионеры, товарищи влекут в одну сторону. Дома, в семье, родители, все окружающие—тянут в другую.

НА ПОМОЩЬ!

Здесь мы не должны быть равнодушными, но глубоко понять тяжелое положение сотоварища по школе, здесь надо всем звеном помогать такому мальчику или девочке, стараясь их перевоспитать, оторвать от старой среды, от старого общества и старых предрассудков. Надо очень серьезно и очень чутко отнестись к такому школьнику, зная, что он переживает своим молодым, детским сердцем большую драму. Надо наперед знать, что, ведь, он должен будет нередко порвать со своими родителями и родными и уйти от них, так сказать, добровольно осиротеть, а это очень трудно в детском и юношеском возрасте. Здесь надо облегчить тяжелое положение, и если видишь, что действительно этот школьник перевоспитывается, уходит из своего старого буржуазного, нэпманского общества, то ему все товарищи, все звено должно подать руку помощи, чтобы вытянуть его окончательно из этого болота.

КОГДА НЕ НАДО ДРУЖИТЬ

Если же мы видим, что, несмотря на все усилия, ничего не выходит и ребята остаются закоренелыми приверженцами старого, не желая итти в ряды нового общества, надо еще и еще раз попробовать повлиять на них и—в случае полного неуспеха—отойти от них, порвать с ними, не водить с ними никакой дружбы. С классовыми врагами нам дружить не для чего. Вот почему я советую с детьми чуждых нам классов лучше всего дружить всем звеном, чем поодиночке: так будет верней, надежней и легче вырвать их из старой среды.

ВОСПИТАЕМ МИЛЛИОНЫ ЛЕНИНЦЕВ

Семь тысяч делегатов Всесоюзного слета и десятки тысяч делегатов местных слетов обсуждали вопросы нашей работы и борьбы. И в принятых решениях и в «Наказе пионерского слета» раньше всего и больше всего говорится о воспитании из пионеров новых людей, настоящих большевиков-ленинцев. Мы помещаем здесь заключительную главу «Наказа пионерского слета».

В НОГУ С ЖИЗНЬЮ

Многие отряды и звенья знают наверное письмо Надежды Константиновны Крупской, в котором она обвиняла пионеров в отходе от окружающей общественной жизни, в излишней замкнутости пионерской организации. Этот сигнальный призыв должен хорошо запомнить каждый юный пионер.

> **«Без работы, без борьбы книжное знание коммунизма из коммунистических брошюр и произведений ровно ничего не стоит».**
> **Ленин**

И на вопрос, как учиться, **Ленин** отвечает:

> **Только связывая каждый шаг деятельности в школе, каждый шаг воспитания и образования и ученья неразрывно с борьбой всех трудящихся против эксплоататоров.**

Иного пути воспитания из наших рядов будущих коммунистов—нет.

И борьба за пятилетку, и вся наша повседневная общественно-практическая работа должна быть подчинена главной задаче — воспитания в пионерах качеств нового человека.

Нам надо выковать из отрядов и звеньев новых людей, гораздо лучших, чем наши отцы и братья.

КАКИМ ДОЛЖЕН БЫТЬ ПИОНЕР

Каждый пионер должен воспитывать в себе коллективиста, самодеятельного, творческого человека, умеющего критически относиться к своей и чужой работе, умеющего трудиться и получать навыки культурного человека.

Все эти качества можно получить: во-первых, в коллективной работе, приучить себя и других коллективно мыслить, коллективно работать, болеть за коллектив, никогда не отделяться от него, изживая чувство индивидуализма, себялюбия и карьеризма. Во-вторых, мы должны развить самодеятельность и творчество всех пионеров, добиваясь такого положения, когда все ребята будут активно участвовать в повседневной работе отряда, сами приниматься за активную работу в отряде. В-третьих—критически подходить к своей и чужой работе, уметь правильно оценивать работу, уметь критиковать слабые и отмечать положительные места в работе отрядов и всей организации, изживая подхалимство, чинопоклонство. В четвертых, мы должны воспитать грамотного, культурного человека, добиться такого положения, чтобы каждый пионер стремился к знанию, мог бы разбираться в политических событиях. Политически безграмотный человек не может строить социалистического общества. Пионер должен приобрести навыки труда, любить труд, уметь трудиться для общего дела. Пионер должен быть смелым, настойчивым, физически выносливым борцом.

ПРОЙДЕТ ПЯТЬ ЛЕТ...

Старшим пионерам уже будет по двадцать лет... **Из рядов пионерорганизации уйдет полтора миллиона ребят. Куда они уйдут? Что будут делать?** Вырастут ли из них активные строители социализма или обыкновенные мещане, стоящие в стороне от этого строительства!

Есть у нас разные ребята. Один научился за время своего пребывания в пионеротряде ненавидеть своего классового врага, научился работать в комсомоле, работает на производстве и на партийной работе. Другой товарищ перешел в комсомол, умеет хорошо говорить, бросается красивыми лозунгами и фразами, но у него нехватает ненависти к врагу, нехватает уменья работать, нехватает чувства коллективизма. Каждая фабрика и завод следят за тем, какова их продукция и в каждом производстве есть хорошие и плохие стороны, а пионерорганизация до сих пор не смотрела, что же получает пионер, выходящий из отряда, и какие у него есть недостатки, а между тем знать это крайне важно, т. к. если мы посмотрим, с какими недостатками наши пионеры часто покидают свою организацию, если мы изучим эти недостатки,—мы сможем найти пути к их исправлению.

СТРАНЕ НУЖНЫ НОВЫЕ РАБОЧИЕ

По вопросу: „кем я хочу быть“ высказались сотни ребят и многие из них хотят быть артистами, конторщиками, писателями, исследователями. Нам нужны, конечно, люди всяких профессий, но **советской стране дозарезу нужны будут инженеры, техники, квалифицированные рабочие.** Нужны будут командиры растущей промышленности. За пятилетие нужно подготовить 61 000 инженеров, 116 000 техников, 200 000 учителей, и пионерская организация должна вычесть из этих цифр десятки тысяч недостающих техников, инженеров, агрономов, учителей, квалифицированных рабочих. **Это должны быть новые рабочие,** не преклоняющиеся перед машиной, а сознательно знающие и любящие каждый винтик этой машины. Это должны быть творцы высокой по качеству и низкой по цене продукции. Это должны быть застрельщики в борьбе за рационализацию, за лучшую организацию труда.

ПОЭМА ТРУДА И БОРЬБЫ

Великие традиции нашей партии, боевой опыт прошлой революционной борьбы должен служить нам путеводным огоньком в предстоящей борьбе за мировую революцию.

В своем обращении к слету **общество старых большевиков** пишет:

„Героизму наших миллионов членов партии, комсомольцев, пионеров и октябрят всех стран и народов еще настежь открыты все двери. **Великая поэма труда и борьбы раскрыла перед нами еще только самые первые свои страницы.** *Правда, страницы увлекательные и великие, но следующие страницы, которые надлежит написать и перелистывать нашим молодым друзьям и товарищам, не менее прекрасны и велики.*

Мы должны учиться и работать, работать и учиться с тем остервенением, которому учил нас великий Ленин всей своей жизнью, всем своим примером. *Мы должны привлечь миллионы к преодолению неисчислимых трудностей, стоящих на пути построения социализма у нас и завоевания власти во всем мире. Так выполним мы заветы Ленина!*

К этому призываем тебя, пионер Ленина. Учись ленинизму, т. е. учись жить и бороться, ненавидеть и любить побеждать и залечивать раны поражения на великом примере Ленина. Люби и изучай Ленина и его единую партию.

Будь дисциплинирован в вопросах борьбы так же, как Ленин, который умел блестяще и весело отражать и отравленные стрелы меньшевиков и троцкистов, и усыпляющие, манящие песни „то левых, то правых" коммунистов. Иди вперед по стопам Ленина.

На штурм против лености, собственнических стремлений, маловерия и отступничества, на борьбу с остатками крепостничества и рабства; давай все, что есть в тебе лучшего и чистого. Помни, что девочке-пионерке приходится жестоко еще бороться против порабощения женщины. Отстаивайте равноправие и товарищеские отношения между мальчиками и девочками.

Помни о 5/6 мира, где миллионы борющихся из казематов и тюрем взывают к тебе о помощи.

Всякую лишнюю копейку направляй в МОПР. Изучай иностранные языки.

Твоя помощь может понадобиться в решительный момент схватки гидры империализма с силами мировой революции.

От пролитой крови заря заалела,
Могучая всюду борьба закипела,
Пожаром восстанья объяты все страны.

БУДЬ ГОТОВ. **Общество старых большевиков.**

ЗА ДЕЛО ЛЕНИНА

Всесоюзный слет сыграл не малую роль в подготовке пионеров к выполнению этих огромных задач, поставленных перед нами партией, старыми большевиками.

Тысячу раз права Надежда Константиновна Крупская, когда писала:

„Пионеры, приехавшие на слет, поймут, почувствуют всю силу организации. От рабочих и работниц, от партийцев заразятся они крепкой волей в борьбе, каждый из них будет **сознавать себя частицей громадной армии, борющейся от мала до велика за дело Ленина, за дело победы социализма.**

Нет, пионерский слет—не забава, не игра, это—одно из звеньев подготовки молодого поколения к упорной, трудной, но и почетной работе, которая выпадает ему на долю. Старое умирает, новое зарождается".

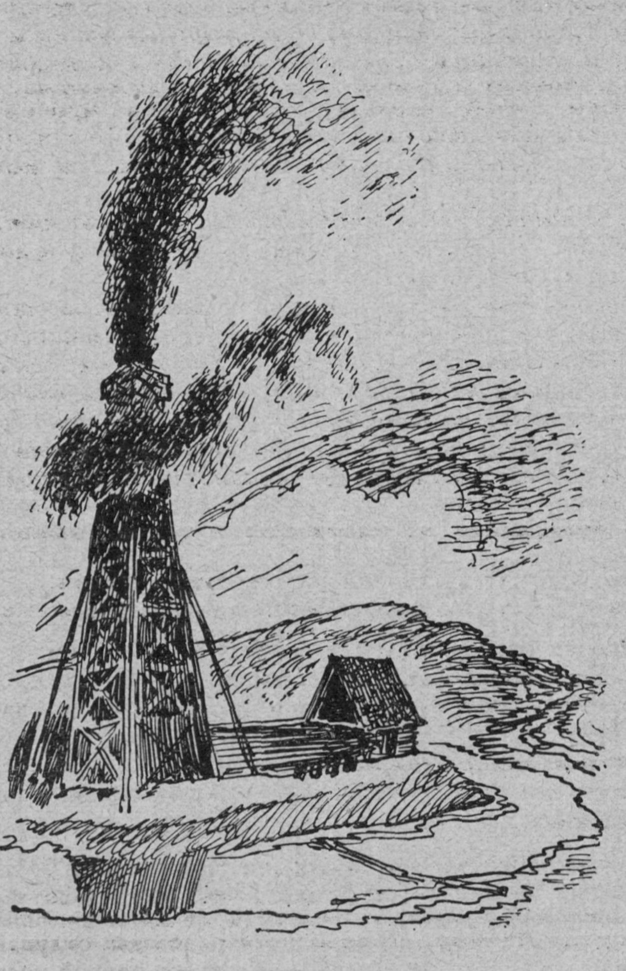
К борьбе за новое, за рабочее дело—будьте готовы!

НОВЫЕ ЗАКОНЫ ЮНЫХ ПИОНЕРОВ

1. Пионер — верен делу рабочего класса и заветам Ленина.
2. Пионер — враг кулаков и буржуев, за интернационал рабочих.
3. Пионер — верный друг и товарищ детям рабочих, крестьян и трудящихся всего мира.
4. Пионер — младший брат и помощник коммунисту и комсомольцу в борьбе за коммунизм.
5. Пионер — готовится стать самоотверженным борцом против нищеты и гнета, за социализм.
6. Пионер — стремится к знанию и помогает учиться другим. Знание и умение—сила в борьбе за рабочее дело.
7. Пионер — за дисциплину в учебе и труде, за бережливость к общественному имуществу.
8. Пионер — деятельный помощник совету, профсоюзу, кооперации. Пионер—друг, помощник, будущий боец Красной армии.
9. Пионер — за рост фабрик и заводов, за технические знания, за трудовую дисциплину.
10. Пионер — друг бедняку, активный участник в борьбе за урожай, помощник колхозу, совхозу и коммуне.
11. Пионер — против национальной розни и вражды, за интернациональный боевой союз всех рабочих и трудящихся.
12. Пионер — борется против пьянства и хулиганства, против религиозного дурмана.
13. Пионер — организует и об'единяет детей под знаменем Ильича. Пионер—всем детям пример.
14. Пионер — все делает быстро и точно. Дорожит своим и чужим временем. Пионер работает, учится и отдыхает дружно и организованно.
15. Пионер — враг грязи и курения. Пионер охраняет здоровье свое и других.
16. Пионер — трудолюбив и упорен. Пионер трудностей не боится, всегда вынослив и бодр.

ПРОПАВШИЙ ГОРОД

Рассказ ХАЗИНА
Рис. А. ЛАПТЕВА

I

Когда буровая машина добирается до почвенного слоя, за которым залегает нефть, раздается взрыв; сила его зависит от глубины скважины и мощности нефтяного бассейна.

В 1859 г., когда вонзившийся на 20 метров под землю щуп буровой машины впервые сотрясся от взрыва, Америка была оглушена.

Первым вздрогнул полковник Дрэк, стоявший у самой машины. Сперва он растерялся и не понял, что произошло. Но не прошло и минуты, как он уже лежал ничком, свесившись за край колодца.

Со дна колодца поднималась бурлящая масса, от которой исходил тяжелый, одуряющий запах.

— Насос!—крикнул полковник и вскочил на ноги.

Насос засопел, всасывая и выбрасывая из резиновой кишки темнооливковую, густую, маслянистую жидкость. Подкатили бочку. Тяжелая струя гулко ударилась о днище.

К концу дня в сарае у бревенчатой вышки стояло двадцать пять наполненных нефтью бочек. Такого количества нефти мир еще не видал; недаром доселе она ценилась по двадцать долларов за бариль.

Через час ничего не подозревавший почтмейстер в Титусвиле принял тяжелый конверт с адресом: Нью-Йорк, 262, Вашингтон Стрит, Рок Ойль-Компани, а телеграфный аппарат равнодушно застрекотал: С-р-о-ч-н-о - з-а-к-у-п-а-й-т-е - у-ч-а-с-т-к-и - п-о-з-д-р-а-в-л-я-ю - б-л-е-с-т-я-щ-и-м - у-с-п-е-х-о-м - п-о-л-к-о-в-н-и-к - Д-р-э-к.

Америка узнала об открытии нефтеносных участков только тогда, когда государственные с гербом печати закрепили за ставшей всемогущей компанией не мало земель вокруг Титусвиля и по реке Ойль-Крик.

Ахнул Нью-Йорк. Ахнули Филадельфия, Бостон, Чикаго... Смятение пронеслось по Сан-Франциско—городу, рожденному золотой горячкой.

В воздухе запахло наживой. Нефтеносные земли Пенсильвании покупались по баснословной цене. В неслыханной спешке создавались одно за другим общества для разработки участков даже там, где никто и никогда не видел нефти.

Газеты всех городов и даже затерявшихся в степи местечек жадно подхватывали каждую новость.

— Ищите! Копайте! Налаживайте буры!—кричали „Трибуны“, „Геральды“, „Таймсы“.

Каждый американец лелеял мечту проснуться на следующий день миллионером, а миллионер—нефтяным королем. Разгоряченное воображение подсказывало самые фантастические планы. У каждого дельца была своя тайна. Все подслушивали, подглядывали и в любой момент готовы были перегрызть горло соседу, чтобы овладеть его чудодейственным секретом.

Среди всего этого смятения под буровой машиной единственного пока нефтяного короля—полковника Дрэка—вырвался и забил первый фонтан.

Бууум! Фонтан взметнулся ввысь, сметая, как перышко, бревенчатую вышку и падая на землю черным ливнем. „Фонтан“ дал триста бочек в день. Забивший вслед за ним „Могучий“ дал 2500 барилей, а „Филиппс“—3000. Добыча росла. Цена на нефть стремительно падала: за полтора года она скатилась с двадцати долларов до десяти центов.

А к нефтяным землям со всех сторон тянулся нескончаемый людской поток.

Поезда и пароходы высаживали сотни беспокойных и быстрых джентльменов с глазами рыси, в пестрых жилетах, тугих, подпирающих шею воротничках и широких пышных галстуках. Из Старой Виргинии, Каролины, Георгии ехали оставившие свои поля спокойные и медлительные фермеры. Стремительные и сильные наездники-скотоводы в широкополых и высоких шляпах скакали из Техаса. Горы Колорадо высылали суровых и молчаливых охотников-трапперов. А с далекого Запада буйными группами брел темный люд с пистолетами или ножом за поясом, в котором еще были зашиты последние крупинки золота.

А кругом, как грибы в дождь, выскакивали на нефтеносной земле города: Ойль-Сити, Франклин, Титусвиль, Корри.

II

Через два года горячка утихла: ее задушила война между Севером и Югом. Но лишь только отзвучали громы пушек и стрекот ружей, как новый взрыв возвестил Америку о возобновлении нефтяной горячки.

Вырвавшийся из-под земли на берегу Питхолла фонтан по праву был назван „Большим". Черный водомет бил, не снижаясь и не ослабевая. За день от него отскакивали 2500 бочек. Участники открывшей его нефтяной компании потирали руки: за годы войны цена на бариль нефти подскочила до неслыханных размеров—11 долларов.

Питхолл протекал в стороне от магистральных путей разведчиков. Рекой его никто не назвал бы. Скорее это была речонка, узкая и немноговодная, с отлогими берегами, поросшими одинокими дубами и редким колючим кустарником. Воды ее незаметно вливались в быструю Эллигени, километрах в семидесяти от устья прославленного Ойль-Крика.

На двух маленьких фермах, на берегу Питхолла, в трех километрах одна за другой, ничего не понимали. Крестьяне изумленно и недоверчиво поглядывали на черную вышку „Большого".

По птичьим дворам, хлопая крыльями, метались индейские петухи; в стойлах тревожно ржали лошади; коровы и овцы отзывались из хлевов блеянием и мычанием; а охрипшие от лая собаки скалили волчьи клыки на проезжавшие тяжелые фургоны.

На реке десять дней работали землечерпалки, потом проплыл первый пароход—чудной широкобокий дом, похожий на двухярусную подводу, поставленную на скользящих по воде полозьях.

Скользившие за пароходом баржи несли тяжелый груз: лес, бочки цемента, металлические балки, рельсы, штабеля кирпича, листовое железо и бесчисленные ящики.

На Питхолле строился город.

В рабочих руках не оказалось недостатка. При первой же вести о затеваемых работах вместе с добытчиками нефти на берега Питхолла хлынул рабочий люд, обивавший пороги в больших городах в поисках работы. Здесь были солдаты, отпущенные по окончании войны и нашедшие дома черную нужду, разоренные войной маленькие фермеры, безработные фабричных центров, освобожденные войной негры и тоскливая толпа эмигрантов из Приморской области.

Работа длилась от зари до позднего вечера. К ночи бараки, где жили рабочие, оживали. Среди общего гомона можно было разобрать сухое щелканье английской речи природных американцев, гортанную речь негров, трескучие раскаты испанцев и все наречия ирландского, немецкого, итальянского, еврейского, польского, русского языков удивленных и оробевших эмигрантов.

Днем на общей работе эмигранты терялись в многотысячной толпе землекопов, каменщиков, плотников, кровельщиков, грузчиков и чернорабочих. С работы они возвращались оглушенные и истомленные ее лихорадочным темпом. Они чувствовали себя чужими и жались друг к другу. На каком-то ломаном языке, составленном из обрывков слов всех наречий Европы, они рассказывали друг другу о своей горькой жизни Иногда замолкали, курили, а то и пели. Каждый тихо тянул песню своей родины, и переборчатая итальянская мелодия сплеталась с русским томительным напевом и тяжелым бубном песни немецких подмастерьев.

III

Город назывался Питхолл-Сити.

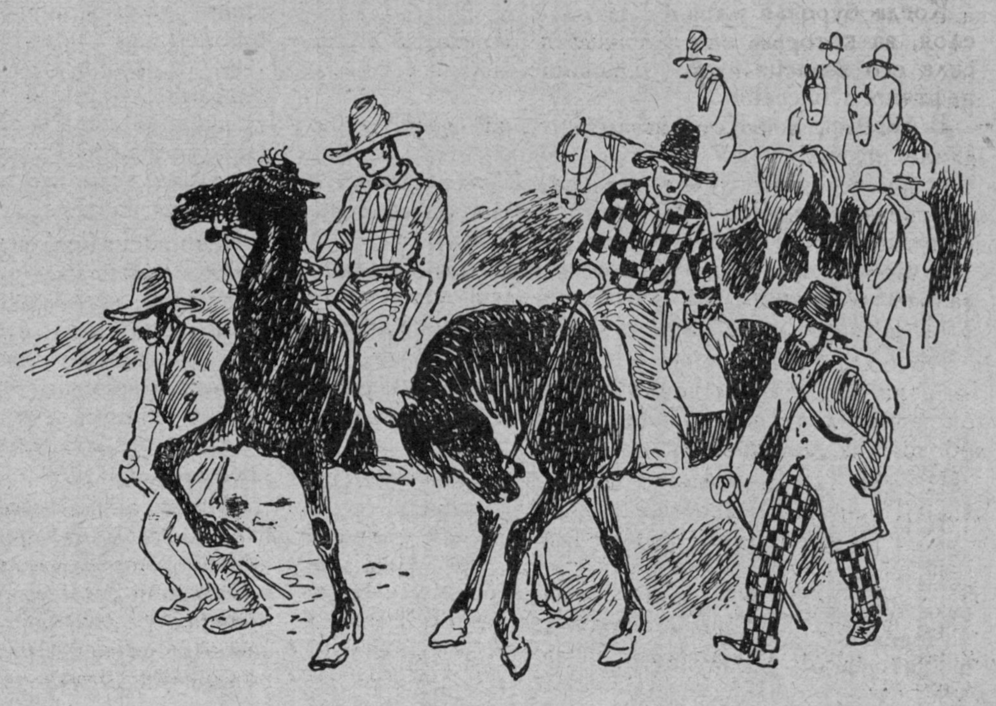
Он тянулся вдоль берега узкой лентой, сходившей пристанями к самой воде. С реки открывался монументальный вестибюль—полукруглая площадь, застроенная громадами контор и банков. Здания долго стояли, одетые лесами. В конце третьего месяца сняли леса с пышной резиденции властителя всей округи—Питхолл-Ойль-Компани.

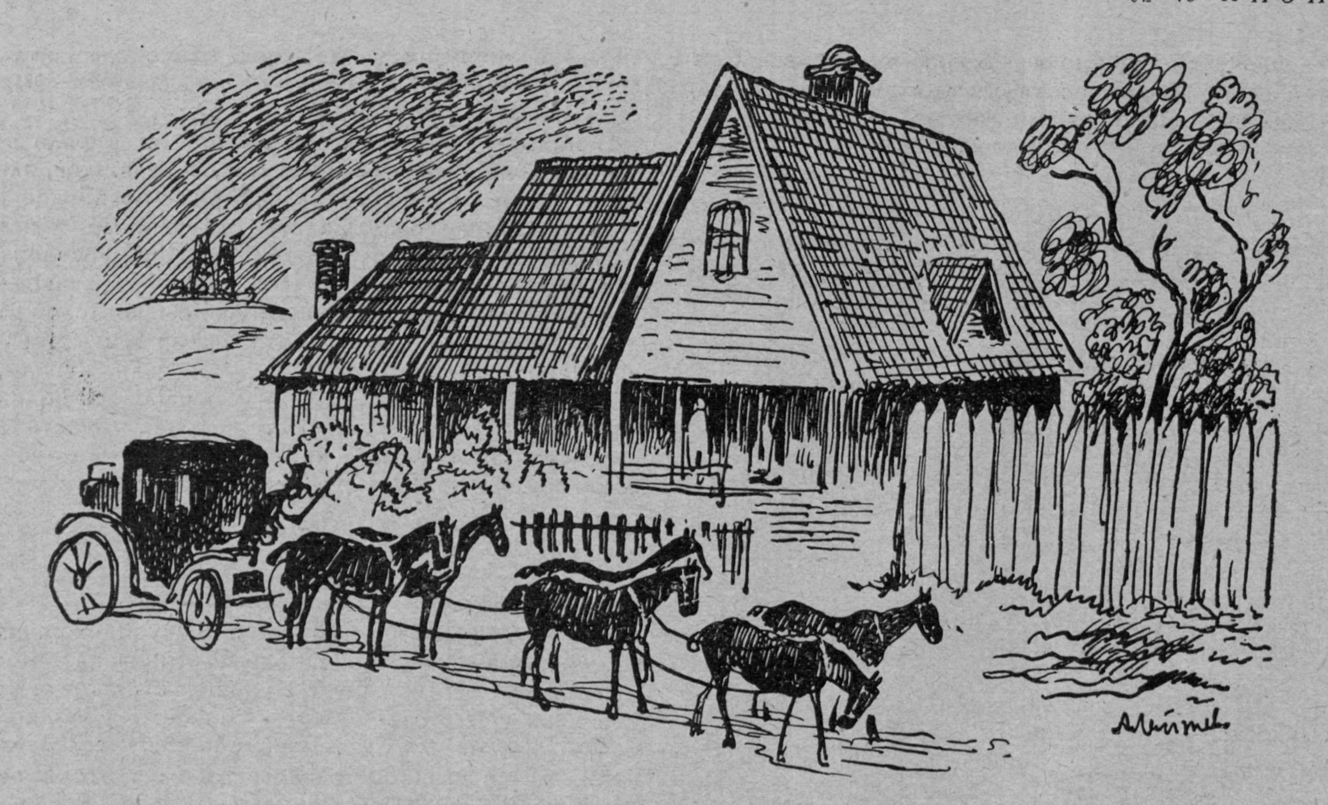
Вправо и влево от площади открывался широкий проспект, окаймленный прямой, как стрела, линией сперва гостиниц, а потом слепых пакгаузов.

Еще дальше от реки отстраивалась параллельная проспект-улица. Деревянные двух и трехэтажные срубы, не потерявшие еще своего смолистого запаха, на четырнадцатый день уже сверкали протертыми стеклами окон. Вперемежку с ними медленно поднимались скучные и грузные кирпичные здания.

Над дверью длинного узкого сарая прибили первую вывеску—ресторан „Славная Англия".

Несколько раз в день дверь ресторана настежь распахивалась, чтобы впустить всегда отдувавшегося и шумного толстяка—редактора первой местной газеты. Он был обжора и болтун. Прожевывая

кровавый ростбиф, он рассказывал о грандиозных пожарах на далеких промыслах, о крахе нефтяных обществ, о самоубийствах прогоревших нефтяных королей и каждое такое сообщение сопровождал славословием победоносному Питхоллу.

Сюда же, в ресторан, услужливый репортер принес редактору известие о приезде полковника Дрэка.

Это не было газетной „уткой". Просторная дорожная карета нефтяного короля с откидной постелью, погребцами и ларчиками стояла под тенью вязов на Центральной площади. Сейчас же по приезде, в сопровождении инженера, он направился по промыслам. Ходил он весь день. Он пересчитал вышки и насосы, заглянул во все скважины, покосился на беспрерывно откатываемые бочки, в которых булькала нефть.

После осмотра он направился прямо к главе Питхолл-Ойль-Компани. Свидание владык было кратко.

— Мистер, я куплю Питхолл. Ваша цена?—сказал полковник.

— Питхолл не будет продан. Я подумываю о покупке земель Рок-Ойль,—так же спокойно и невозмутимо ответил собеседник.

Полковник Дрэк не привык к отказам. Он пристально посмотрел на улыбающегося старичка с острым, как у лисы, лицом и вышел из кабинета.

Это была решительная победа молодой Питхолл-Компани над старым нефтяным патриархом. Редактор отметил ее восторженной статьей. За первой победой не замедлила явиться вторая.

На этот раз дело шло о фермере, упрямо отстаивавшем неприкосновенность своей усадьбы и своих земель. На месте одной фермы уже высился четырехэтажный корпус гостиницы. Вторая не сдавалась. Последний пакгауз города упирался в забор и стену хлева Фермы. На драгоценной нефтеносной земле курился навоз, курчавились огороды и золотились колосья...

Угрюмый старик-фермер на все предложения отвечал:

— Я здесь родился, здесь я и умру.

Тогда за упрямого старика взялась газета. Каждый день она глумилась над косным, неуклюжим крестьянином, не желавшим понять стремления современности. Фермер терпеливо читал каждую статью, подписанную именем редактора: Оливер К. Смайльс.

Но однажды, после долгих проклятий, газета пригрозила фермеру „страшным судом". Старик побледнел. Ни слова не говоря, он взял стоявшую в углу тяжелую палку с костяным набалдашником и отправился в редакцию.

Мистера Смайльса успели предупредить. Он позорно бежал и просидел полдня под стойкой „Славной Англии", пока фермер громил редакцию.

И все же он сдался. Однажды фермера, дремавшего после обеда у очага, разбудил потрясший стену дома грохот. У крыльца остановилась карета, запряженная шестеркой лошадей цугом: на ферму пожаловал сам нефтяной король Питхолла в сопровождении пастора.

Непрошенные гости не заставили себя ждать. Нефтепромышленник подтолкнул вперед пастора, а сам вошел вслед за ним. Пастор заговорил ласково и вкрадчиво До изумленного фермера донеслись торжественные слова о долге, о покорности, о любви к богу, человечеству и государству. Он стоял, опустив голову, как человек, впервые осознавший свою вину. Большие узловатые руки крестьянина дрожали.

Перед таким натиском старик не устоял. Через несколько дней ферму снесли, поля вытоптали, коров, овец погнали на скотобойню, а лошадей в конюшни компании. Старик даже не обернулся, покидая ферму. Он шагал прямой и суровый, окруженный семьей к маленькому домику в центре города, предоставленному ему компанией. Впереди

ехали фургоны, груженные дедовскими кроватями с резными спинками, пузатыми комодами и горбатыми, окованными полосами железа сундуками. За ними бежал громадный лохматый пес и едва слышно скулил.

Питхолльцы с тротуаров и из окон провожали глазами печальный кортеж. Путь лежал мимо „Славной Англии". На пороге трактира стоял мистер Смайльс, засунув короткие ручки в карманы брюк.

Доллары, выплаченные компанией, старый фермер не отнес в банк. Они хранились за семью певучими, как музыкальный ящичек, замками на дне самого большого сундука.

Старик преобразился. Вторгшиеся в его жизнь пачки долларов захлестнули его волной нефтяной горячки. Каждый день, чуть свет, он заворачивал в платок кусок хлеба и сала и уходил из дома. Где он бродил, никто из домашних не знал. К ночи он возвращался в пыли, усталый, молчаливый, но с блестящими глазами.

И вскоре он появился на бирже такой же спокойный и суровый, как всегда, и произнес магическое слово: покупаю.

IV

После разгрома фермы редактор на некоторое время заскучал. Новая волнующая тема явилась только неделю спустя.

Прибывший пароход выбросил на левый берег реки груды шпал и рельс. Вслед за этим стало известно, что не одно, а целых три железнодорожных общества ведут разведку в сторону Титусвиля.

В „Славной Англии" главари соперничающих компаний всегда сидели в разных концах сарая. Все трое безостановочно следили друг за другом. Стоило одному заказать виски, другой уже требовал рому. Когда около одного из них появлялся посланец с донесением от инженера, производившего разведку, все в ресторане тогда замолкали. Даже мистер Смайльс и тот застывал с открытым от волнения ртом.

Беспечным оставался только всегдашний собеседник и собутыльник редактора—сухопарый ирландец мистер Лекки, владелец конторы дилижансов: Питхолл-Ойль-Сити-Титусвиль. Он был пьяница и чудак. Когда редактор, багровея, кричал ему, что в железнодорожной борьбе несомненно победит Питтсбургская компания, ирландец неизменно отвечал:

— А какое мне до них дело? Когда они пойдут друг на друга с ножами, я приду посмотреть на драку. А пока они мирно сидят за столом, я и цента не поставлю ни на одного из них.

— А железная дорога? Ведь, она выбросит вас вон с вашими клячами,—не унимался редактор.

Ирландец вытягивал жилистую шею и, крякнув, отхлебывал глоток виски.

— На мой век хватит проселков Пенсильвании,—отвечал он.

Мистер Лекки был единственным человеком, не зараженным нефтяной горячкой. Он довольствовался скудным, но верным доходом от своих желтых кареток и больше ни о чем не хотел знать. Его не раз соблазняли барышами от спекуляций нефтью. Вместо ответа ирландец вытаскивал из кармана маленькую аптекарскую бутылочку с синей этикеткой, на которой золотыми буквами было напечатано:

400 гр. петролиум мистера Кира или горное масло—2 доллара, прославленное своими чудодейственными целебными качествами. Натуральное лекарство! Добыто у Эллигени, в Пенсильвании, на глубине 114 метров ниже уровня почвы. Продается у мистера Самуэля М. Кир, 363, Либерти-Стрит, Питтсбург, Пенсильвания.

Целебный ключ из тайных недр земли несет здоровье вам и жизни дивный цвет.

400 гр., Питтсбург 1837, 2 доллара.

— Вот моя нефть,—серьезно и тихо говорил ирландец.—И другой я не желаю знать. Двадцать лет я мажу ею суставы и только поэтому не знаю ревматических болей. Спасибо мистеру Киру за его чудодейственный элексир.

Но теперь никому уже не было дела до пресловутого лекарства от ревматизма. Нефть обладала еще более важным качеством: она делала деньги.

Нефтяной город работал.

В конторах, на промыслах, пристанях и стройках было занято 12 000 человек. Несколько тысяч торговцев, парикмахеров, рестораторов, газетчиков, врачей, адвокатов, чиновников обслуживали нефтяную армию.

С мая по август добыча непрерывно росла. Шесть разбросанных по обе стороны реки скважин давали свыше 5000 барилей. От промыслов к пакгаузам тянулись устланные досками дорожки, по которым с грохотом катилась под уклон нескончаемая вереница бочек. Рабочие бежали сбоку и редкими сильными толчками направляли движение. Иногда у какого-нибудь зазевавшегося рабочего бочка сползала в сторону, цепь разрывалась, задние ударялись о передние, громоздились друг на друга и создавали затор. Со всех сторон поднималась отборная ругань на всех языках мира. Когда же в давке расползались обручи одной из бочек и на землю просачивалась маслянистая жидкость, к месту аварии прибегал приказчик. Воцарялась тягостная тишина, пока приказчик, помусолив карандаш, заносил имена виновников в свою записную книжку. Оштрафованные, злобно глядя друг на друга, выбрасывали поврежденную бочку, укладывали остальные в порядке и гнали их дальше.

В то же время в обратном направлении, по параллельно идущей дорожке, другая партия рабочих толкала вверх пустую гулкую тару.

Вниз и вверх, взад и вперед—однообразное кружение начиналось с восходом солнца и прекращалось тогда, когда за вышкой „Большого" меркли последние лучи солнца.

А от берега ежедневно отваливали баржи, уносившие по Питхоллу, Эллигени и Огайо в промышленные центры не меньше 250 000 галлонов горючей жидкости.

V

И вдруг все остановилось.

Сильные паровые насосы на „Большом" прохрипели в последний раз и замерли. Нефти больше не было. В течение шести месяцев бассейн выкачали до дна. Отправленная в октябре и ноябре нефть была уже так грязна, что вызвала недовольство покупателей. Положение других скважин было не лучше.

Когда город узнал об исчезновении нефтяных королей, все бросились к пристаням и конторе дилижансов. Места занимали с бою. Капитаны с рубки и толпа на берегу осыпали друг друга проклятиями.

Безумие овладело людьми. Из Питхолл-Сити бежали, словно над городом повисла неумолимая угроза провалиться в тартарары. Зияющая черная рана на месте „Большого" будоражила воображение. Вонючие испарения пугали, как дыхание чумы.

Редактор отплыл на пароходе тотчас же вслед за директорами. Он был, верно, очень страшен и величественен в своем отчаянии, когда появился на пристани с единственным унылым свертком в руках, тщательно завернутым в свежий номер „Питхолл-Сити Херальда". Облепившая сходни толпа пропустила его почти без сопротивления. Он занял лучшую каюту и, по примеру всех великих питхолльцев, заперся в ней, дважды повернув ключ в замке.

Последним уезжал мистер Лекки. Вместе с ним ехал фермер со всей своей многочисленной семьей. Куда лежал его путь, фермер точно не знал. Он грузно подпрыгивал на скамье тряской кареты и от времени до времени ощупывал рукой жилет, где покоились зашитые за подкладку купчие, акции и горестные остатки полученных за ферму долларов.

На империале кареты, трясясь от стужи, ехали двое взятых из милости немцев, белобрысых и печальных. Немцы кутались в дырявые пледы, курили и молчали.

Ирландец пел и понукал лошадей.

Дилижанс мчался, то-и-дело встречая на своем пути группы уходящих из Питхолл-Сити рабочих.

В Титусвиле ирландца ждали все его кареты и лошади. Ему предстояло перебросить их на новое место, к новым нефтяным городам, как скотовод перегоняет стада в поисках лучшего пастбища.

Нефть иссякла по обе стороны Питхолла. Тревога росла. Ее скрывали за новыми лихорадочно поспешными операциями.

Но крах все же наступил.

Устланная досками дорожка к „Большому" больше не гремела бочками. Пакгаузы пустели.

Все насосы с „Большого" перебросили на другие скважины. Качали день и ночь. Но восполнить нехватку не было никакой возможности. Бешеный темп работы только приближал момент остановки всех скважин.

Долгое время от „Большого" не отходила толпа. Никто не хотел верить тому, что источник иссяк. Он не смел иссякнуть! Он кормил тысячи людей. Одним он давал работу, другим—могущество. Так должно было продолжаться и дальше.

Но колодец зиял пустотой. Из недр его поднимались удушливые пары.

Компания поставила было буровую машину, чтобы углубить „Большой". Бур врезался в землю на тридцать, на тридцать пять, на сорок пять метров. Нового взрыва никто не услышал.

Редактор прибегал сюда каждые два часа. Он останавливался у самой машины и в такт ей сопел. Иногда он обегал весь колодец кругом, морщился, оттопыривал губы и с трудом выдавливал робкие слова:

— Завтра „Большой" даст 3000 барилей. Помяните мое слово.

На этот раз он сам хотел верить своим словам. И не мог, как не могли и другие.

Приходивший изредка с редактором ирландец оставался верен себе. Когда его собутыльник клялся в том, что „Большой" не обманет, мистер Лекки собирал складками кожу на лбу и невозмутимо заявлял:

— „Большой" пуст, как выпитая бутылка.

Бур еще работал, когда город облетела потрясающая новость: окончательно выбыла мощная скважина № 5.

Тогда Питхолл-Сити забился в агонии. За бесценок продавали участки земли, дома, склады, машины, живой и мертвый инвентарь. В городе покупателей не оказалось. Через два дня, как саранча, налетели скупщики из соседних городов. Спокойно и деловито они скупили все, что можно было вывезти; до остального им не было дела.

Крушение Питхолл-Сити совершилось с ошеломляющей быстротой. Первой опустела резиденция Питхолл-Ойль-Компани. Все пять этажей стояли мертвые и безлюдные. Сигнал к бегству подали сами директора.

VI

Город опустел.

В нем не осталось и сотни жителей. То были отчаявшиеся во всем люди, бесконечно усталые от преследовавших их неудач.

Ночью, недели через две после бегства, сильный гул разбудил спавших наследников великолепного Питхолл-Сити. Несколько окон вспыхнули тревожными огнями. Кое-где захлопали двери. С порогов домишек люди прислушивались к раскатам эха.

Гул повторился еще трижды, но слабее и глуше. Он доносился со стороны „Большого".

Пуститься ночью через пустые поля никто не решился. Ждали до утра.

Наутро к „Большому" двинулись толпой.

За ночь „Большого" не стало. На его месте не было ни построек, ни колодца—ничего. Все провалилось в образовавшуюся под землей пустоту. Со дна громадной ямы между бурыми комьями глины выглядывала вышка „Большого". На одной из досок еще можно было разобрать белые буквы: йль-Компа.

Через полгода не стало и города. Его уничтожил пожар. Жители бежали. Пламя полыхало трое суток. И много еще дней синие языки лизали груду обугленных балок, а ветер разносил во все стороны запах гари.

ПЯТИЛЕТКА ИЗ ОКОШКА

Очерк А. РОДИНА

Как-то я стоял в редакции журнала „Пионер“, смотрел в окно и думал: как много в Москве несуразностей. Например, ЦК партии находится на Старой площади („старая“ очень уж неподходящее для ЦК название!). Редакция „Пионер“—на Новой площади. Эта „новая площадь“—одна из самых старых площадей в Москве. Вдоль одной стороны ее (как раз напротив редакции)—Китай-городская стена (рис. 1).

Построена она в те годы, когда Колумб открывал Америку. Тогда она была крепостью, защищавшей Москву от врагов. Теперь она—только украшение города.

В каждом городе недавно были (и во многих городах есть и теперь) „толкучка“, „толчок“, где продают всякое старье, „барахло“. Так вот когда-то (не так давно, лет 50—70 назад) на Новой площади и на том месте, где стоит дом издательства „Молодая Гвардия“, была толкучка. Здесь с рук продавали изношенное, грязное, изъеденное насекомыми белье и платье, часто краденое; в нишах Китай-городской стены находились лавченки, промышлявшие тем же добром (эти лавченки жили почти до самой Октябрьской революции).

Теперь на этом месте чистенькая, украшенная зеленью и белокаменной стеной, узкая улица, сохранившая за собою, однако, название площади, а в домах, построенных на площади,—советские тресты, здесь же и редакция „Пионера“.

Времена меняются! Иногда даже трудно догадаться о старине—жизни и быте прошлого, хотя бы и были здесь ее остатки.

Если пройти через Проломные ворота (что почти против крыльца Издательства), то выйдешь на площадь им. Дзержинского (быв. Лубянская). Посреди площади—фонтан. К чему он? Поставлен ли он для украшения? Нет, не только для украшения. Когда-то Москва питалась водой лишь из Мытищенских ключей. Вода шла по трубам в Москву, в Сухареву башню, а отсюда растекалась по трубам и поступала на площади в „фонтаны“ (рис. 2).

На рис. 2 вы видите Лубянскую площадь такой, какой она была лет 35 назад. У фонтана стоят водовозы. В одну из бочек по трубе из фонтана течет вода.

Теперь кран на кухне заменил собой фонтан. А фонтан остался посредине площади, для украшения да для того, чтобы приезжий пионер мог спросить у своего вожатого: „Чего это такое“? и тем поставить иного вожатого втупик.

На этом же рисунке справа можно увидеть „конку“, вагон, ходивший по рельсам, но с конной тягой. Трусят рысцой кони, визжат колеса, позвякивает валдайский колокольчик—патриархальная, стародавняя картинка московской жизни с ее тихим укладом.

Теперь это совсем иначе. Многих пионеров, приехавших на слет, оторопь брала, когда они попадали на эту площадь: таких они не видели—не площадь, а карусель (рис. 3).

Здесь все в движении, шевелится, рычит, верещит звонками—трамваи кружатся по ней, выползают из разных углов, с шести улиц, и снова расползаются, гудят автобусы и автомобили, извозчики, оглядываясь по сторонам, напряженно понукают лошадь. Прохожие стремятся с осторожностью и поспешностью пересечь площадь.

Площадь эта находится в центре города, а город рос от центра в окраинам. Все улицы сходятся в центре, и нельзя попасть из одного конца города в другой, минуя центр, т. е. площадь им. Дзержинского.

Оттого в эту площадь вливается девять улиц, оттого только на трамвае проезжает в день через нее больше полутора миллионов человек.

Случись какая-либо остановка на площади—поломайся вагон, упади лошадь на рельсах—как образуется пробка в движении, и весь круг карусели расстраивается.

И не только карусели. Но и улиц, русла которых имеют исток или устье на площади им. Дзержинского и особенно Мясницкой улицы.

Мясницкая ведет к трем вокзалам, от которых поезда идут на север, в Ленинград, в Сибирь, на юго-восток; со всех концов СССР ежедневно приезжают тысячи народу, а кроме того, десятки тысяч живут за переполненностью Москвы под городом, и ежедневно утром и вечером колоссальным потоком катится человеческая лавина к центру и обратно. А улица узка (рис. 4).

Из этой картинки видно, что двумя вагонами трамвая и двумя автобусами занимается вся ширина Мясницкой между тротуарами так, что для движения других экипажей совершенно не остается места. Если автобус, например, захочет перегнать более медленно двигающегося извозчика, он не сможет этого сделать. Представьте теперь, что будет, когда остановится из-за случайностей движение трамвая на Мясницкой!

Хоть широка площадь им. Дзержинского, хоть проложены здесь и третьи и четвертые пары рельс трамвая, но вагоны замедляют здесь ход. Как же

Рис. 1. Напротив редакции—Китай-городская стена.

Рис. 2. Лубянская площадь 35 лет назад.

иначе и быть, если с большой нагрузкой через эту площадь может пройти в час 360 вагонов, а теперь проходит уже 380.

КАК ЖЕ БЫТЬ ДАЛЬШЕ?

Население с каждым годом растет. Сейчас в Москве живет 2 200 000 человек, а к концу пятилетки—3 500 000. Значит, каждый месяц количество населения увеличивается на 25 000 человек.

Это и понятно. Благодаря усиленному темпу индустриализации в Москве за пятилетие создается большое число заводов, лабораторий, научно-технических институтов.

Город будет расти вширь: там, где еще пасутся стада коров, к концу пятилетки протянутся улицы с промышленными предприятиями, универмагами, высокими жилыми домами.

Передвижение по городу расширится не только за счет того, что количество жителей увеличится, но потому, что растут культурные запросы и привычки населения. С каждым годом все большие массы втягиваются в университеты, музеи, театры, все расширяется жизнь общественных организаций. Из окраин к центру и из одной окраины в другую все будут усиливаться потоки движения...

Раз город увеличится вширь, надо проложить новые рельсы. Если все пути рельс, проложенные теперь по улицам Москвы, протянуть в одном направлении, то длина их будет равна 410 километрам. Другими словами, они займут такой путь, как от Москвы до Орла.

В 1932/33 г. по пятилетке Московского совета длина их будет составлять 584 километра (примерно, столько, сколько от Москвы до Курска да еще полсотни километров).

Надо увеличить и количество вагонов. Сейчас (1928/29 г) всего трамвайных вагонов у Московского совета—1461, а в 1932/33 г. будет 2041, т. е. на 580 вагонов больше. А так как каждый вагон перевозит в год 600 тыс. пассажиров, то возьмите карандаш с бумагой и подсчитайте, сколько эти 580 добавочных вагонов могут дополнительно перевезти человек.

И вот представим себе 1932/33 г., когда трамвайных пассажиров окажется в Москве 1 миллиард 100 миллионов, когда больше половины этого количества (60%) должны проехать через площадь им. Дзержинского.

Как тогда площадь справится со своими 600 000 000 пассажиров в год? Как сделать так, чтобы через площадь могло бы пройти большее количество вагонов и в то же время они не задерживали бы друг друга?

Управление Городских железных дорог в настоящий момент обдумывает план разгрузки площади им. Дзержинского. Управление обратилось к изобретателям с предложением указать способы улучшения трамвайного движения. Каждый гражданин может указать Управлению свой план, все предположения рассматриваются в Управлении, и всем полезным оно воспользуется.

Об одном проекте (инж. Калашникова) мы и хотим рассказать.

Предполагается устроить тоннель, то есть подземный ход, по которому трамваи проходили бы, минуя площадь им. Дзержинского, причем так, чтобы пассажиры не были бы вынуждены специально для этого пересаживаться из вагона, спускаться вниз и затем выходить наверх и пересаживаться в другой вагон.

Проект весьма остроумный. Кто бывал в Москве, тот знает, что площадь им. Дзержинского находится на высоком холме, по одну сторону ее—спуск к площади им. Ногина (Варварская), по другую—к площади им. Свердлова (Театральная).

Рис. 3. Теперь площадь Дзержинского (Лубянская)—не площадь, а карусель.

Треть всего числа вагонов трамвая медленно и с напряжением, тратя много энергии, вскарабкивается вверх по Лубянскому проезду от площади Ногина, попадает на теперь нам известную площадь-карусель, делает здесь полкруга и спускается с треском и шумом, удерживаясь на всех тормозах, вниз по Театральному проезду. На этот путь тратится не только много времени, но и электрической энергии (в три раза больше обычного), изнашиваются быстрее вагоны...

Между тем, обе площади находятся почти на одном уровне.

Почему бы, спрашивается, не прорыть подземную галлерею, которая соединила бы обе площади (Ногина и Свердлова), сделала бы излишним подъем и спуск, а главное, что для нас всего интереснее— помогла бы одной трети всех вагонов, проходящих по площади Дзержинского, совсем миновать эту площадь (рис. 5).

Здесь перед вами на рис. 5 въезд в тоннель на пл. им. Ногина. Вы не видите никакого спуска: вагон продолжает итти на том же уровне, как бы он шел до этого—подземная галлерея вырыта в сквере, круто спускающемся к площади. Трамвай идет почти ровно: не поднимаясь и не спускаясь, но скоро уже над ним слой земли в 2 метра, затем 7, 10, 12 и, наконец, там, где редакция журнала „Пионер", вагон идет, имея над собой слой земли в 15 метров, затем опять слой земли постепенно уменьшается и, наконец, пройдя всего 850 метров пути, пассажиры трамвайного вагона видят небо над Свердловской площадью (рис. 6).

Выход на Свердловской площади должен приходиться между 2-ым Домом советов („Метрополь") и Китай-городской стеной (где теперь розариум). В тоннеле будет светло, как днем. Он ярко осветится электрическими лампочками. У Проломных ворот (т. е. у самых дверей издательства „Молодая Гвардия") будет устроена промежуточная станция; чтобы попасть на нее, надо будет сойти вниз по 96 ступеням, как было сказано, на глубину 15 метров. Стоить этот тоннель будет около 2 миллионов рублей.

Если этот проект будет принят, то таким образом разгрузится площадь им. Дзержинского лишь на $^1/_3$ движения, но этого для первой пятилетки будет достаточно.

Ну а что дальше? Движение на площади по улицам будет расти, какие меры предпринять дальше?

Московский Совет, отвечая на это, предлагает Управлению городских железных дорог разработать план проведения метрополитена, т. е. подземной железной дороги, которая получала бы начало у вокзалов и кончалась бы сперва на Свердловской площади (4600 метров), а затем, постепенно, пересекла бы город под землей в различных направлениях.

Но постройка метрополитена может быть осуществлена лишь в следующей пятилетке, так как она требует расходов только для первой очереди (вокзалы— Свердловская пл.) около 20 миллионов рублей, необходимых в настоящее время для постройки заводов.

Итак, кончая рассказ, хочется сказать: когда вы заглянете в редакцию журнала „Пионер" и когда вы увидите из окна старинную Новую улицу с седой Китай-городской стеной, тогда перед вами должно предстать не только далекое прошлое, но и будущее, о котором говорит пятилетка Московского совета.

И еще хочется добавить—где бы вы, читатели, ни жили, какие бы условия вас ни окружали, большой ли город, районный ли, село ли, колхоз—всюду происходят изменения, сдвиги. Как изменится ваша окружающая жизнь, об этом „записано" в пятилетке, в плане изменения нашего хозяйства, а с изменением хозяйства изменится и весь наш быт.

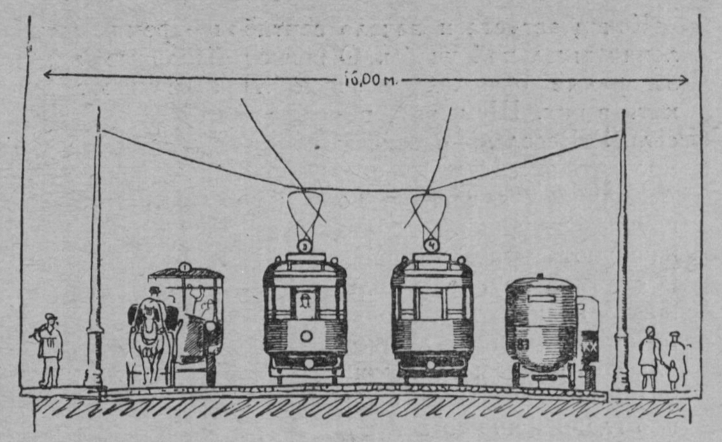

Рис. 4.

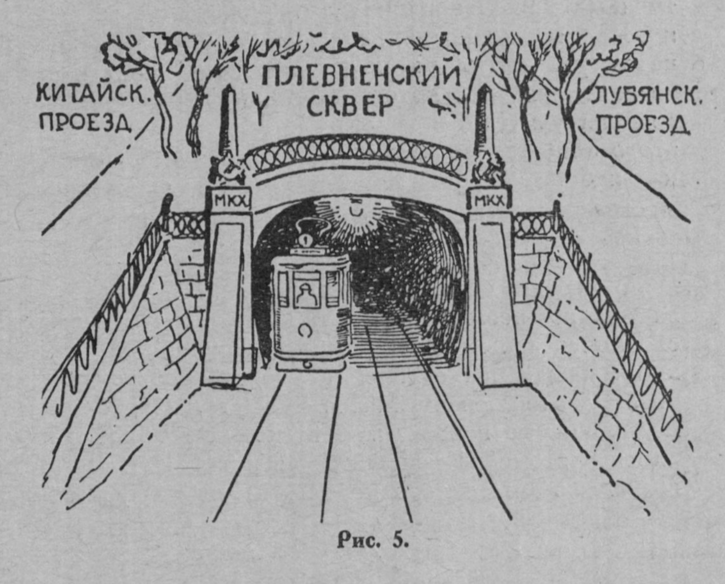

Рис. 5.

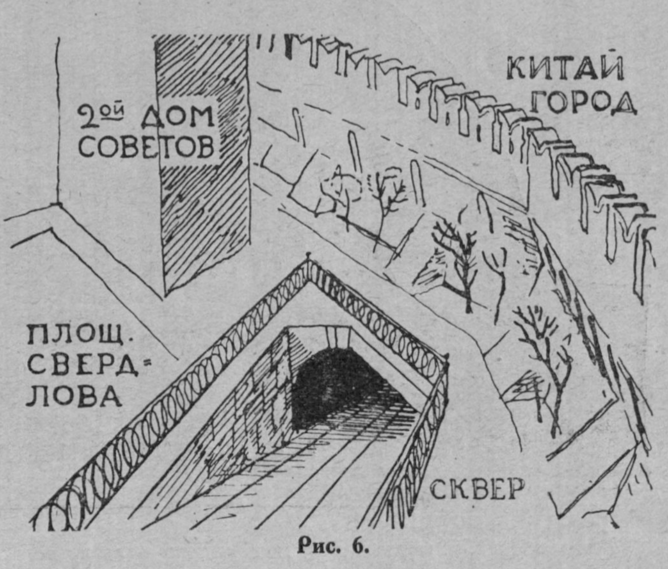

Рис. 6.

Рис. М. АСКИНАЗИ

ОСЕНЬ И ШКОЛЬНАЯ УЧЕБА

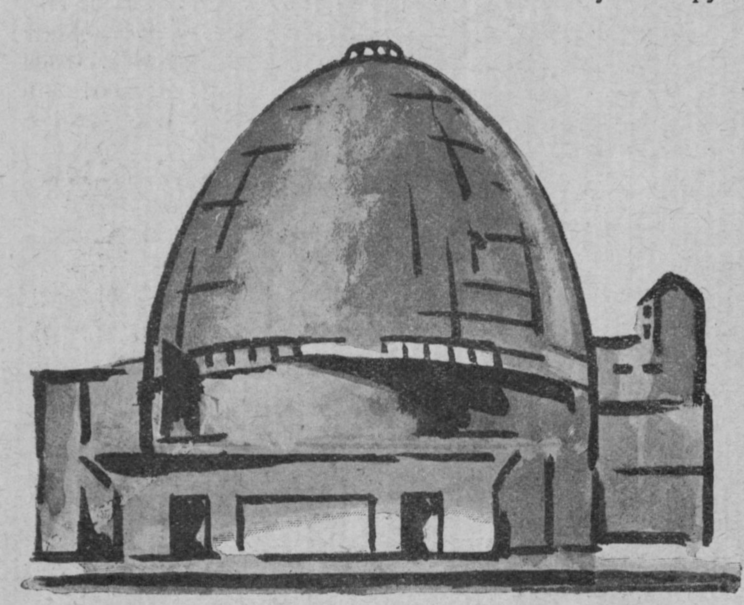
Конец августа и начало сентября—время наступления школьной учебы. Оживают школьные здания, загорелые оживленные юные лица начинают мелькать в них. Шум, гам, веселье! Веселые рассказы про летнее житье-бытье.

Начинаются занятия по группам — уроки. Ребята начинают узнавать новое. В седьмой группе, у больших, начинаются уроки по астрономии. В душном классе рассказывает учитель про звездное небо, про главнейшие созвездия, которые видны осенью. А на небе, как нарочно, тучи, целые вереницы их— и звезд не видно. И хочется разыскать на небе те созвездия, про которые говорил учитель, и нельзя этого сделать: хмуро осеннее небо!

А на небе вереницы туч—звезд не видно...

„ЛОВИ МОМЕНТ" ПО ВЕЧЕРАМ

Но иногда осенним вечером небо сразу открывается во всем своем великолепии: оно кажется словно усеянным светящимися мерцающими огоньками; между прихотливыми узорами созвездий матовой лентой сияет Млечный Путь, о котором мы подробно уже говорили. В такие ясные ночи надо „ловить момент"—спешить наблюдать и изучать созвездия. Знать небо необходимо всякому пионеру.

Планетарий—удивительное, необычного вида здание...

ПЛАНЕТАРИЙ—ИСКУССТВЕННОЕ НЕБО

В Московском зоопарке, где теперь бродят жирафы, бывали, конечно, все пионеры, которые живут в Москве. Но теперь на территории зоопарка воздвигнулось удивительное, необычного вида здание с высоким, вытянутым вверх металлическим куполом. Это здание—планетарий. Если мы зайдем внутрь здания планетария, то мы увидим свод вроде небесного купола, а при помощи особого, очень сложного, прибора мы на этом куполе увидим точное изображение того, что видно на небе в данный час вечера или ночи. И мы увидим не только звезды, но луну и планеты, если они светят на небе.

Очень сложный прибор, который дает возможность видеть все эти небесные чудеса и движения (звезд, луны и планет по небу), был впервые построен фирмой Цейсса в Германии, он и был назван планетарием. Планетарий—это в сущности очень сложный волшебный фонарь, состоящий из нескольких маленьких волшебных фонариков. Все эти фонарики и дают на полотне, натянутом под куполом, изображение разных участков звездного неба, а также луны и планет. В общем, внутри планетария, когда прибор действует, посетители видят прямо поразительное зрелище: полную картину звездного неба и... без единого облачка, конечно. Значит, в планетарии можно видеть все звезды, все созвездия, которые на небе не всегда ясно и хорошо увидишь! Чтобы изучить созвездия, чтобы познакомиться с небом, надо, следовательно, теперь всем пионерам почаще заглядывать в планетарий.

Хорошо, что Моссовет построил в Москве планетарий: он сразу облегчит школьникам знакомство со звездным небом.

Пионеры! Непременно устраивайте экскурсии в планетарий!

ИЗ ШКОЛЬНОЙ УЧЕБЫ. КОЕ-ЧТО О ДОКАЗАТЕЛЬСТВАХ ШАРОВИДНОСТИ ЗЕМЛИ

В школе на уроках и географии и астрономии (и как раз большей частью осенью) учителя объясняют и доказывают очень хорошо, что наша земля—шар. В „Звездочете" приводились как курьезы мнение одного самоучки, который разуверился, что земля—шар, и мнение одной девочки, что радуга якобы прямо и просто доказывает, что земля имен-

но шаровидное тело. Один деткор прислал письмо, в котором пишет, что девочка права: явление радуги действительно показывает шаровидность земли. Поговорим сначала насчет радуги. Радуга—явление, происходящее в воздухе, в нашей атмосфере. Она имеет вид яркой дуги, откуда и ее название. Но эта яркая арка, или дуга гораздо меньше по своим размерам какой-нибудь дуги, проведенной на поверхности нашего земного шара. Радуга—„местное" явление, и дуга ее не концентрична с дугами, проводимыми нами мысленно на поверхности земли, т. е. центр дуги, называемый радугой, не есть центр земного шара. Как же может радуга после этого служить доказательством шаровидности земли? Она случайное „местное" явление; она происходит от преломления солнечных лучей в дождевых капельках: пройдет дождь—и нет радуги. Следовательно, для доказательства шаровидности земли надо что-нибудь иное придумать.

ЛУЧШЕЕ ШКОЛЬНОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО

А в школе, когда рассказывают о шаровидности земли, то вспоминают: 1) корабль, приближающийся к пристани и 2) путешествие Магеллана.

Про корабль, который, вследствие шаровидности, т. е. выпуклости земли, становится видим не сразу, при его приближении к берегу, знает и думал всякий школьник. А вот одесский самоучка отрицал это доказательство. Почему? Только потому, что наблюдал он простым глазом и потому не мог видеть постепенного приближения корабля. Глазом это плохо видно, а вот в бинокль—великолепно видно. В книге английского астронома Проктора „Страна звезд" есть великолепные рисунки, изображающие вид приближающегося корабля в бинокль. Эти рисунки, хотя и не все, можно найти также в книжке Д. Ройтмана: „Форма и вращение земли" (ГИЗ). Хорошо бы вам, товарищи-пионеры, прочитать эту книжку осенью, как начнется учеба! Тогда бы вы раз навсегда поняли, что земля выпукла, что она шаровидна. А путешествие знаменитого Магеллана? Оно всех убедило, что земля не стоит на каких-нибудь подпорках, что земля—тело, свободно висящее в пространстве.

ТЯГОТЕНИЕ

Когда говоришь, что земля „свободно висит" в пространстве, то немедленно задают вопрос. „А почему она не падает"? „А на чем она держится"? Раньше думали, что ангелы движут землею

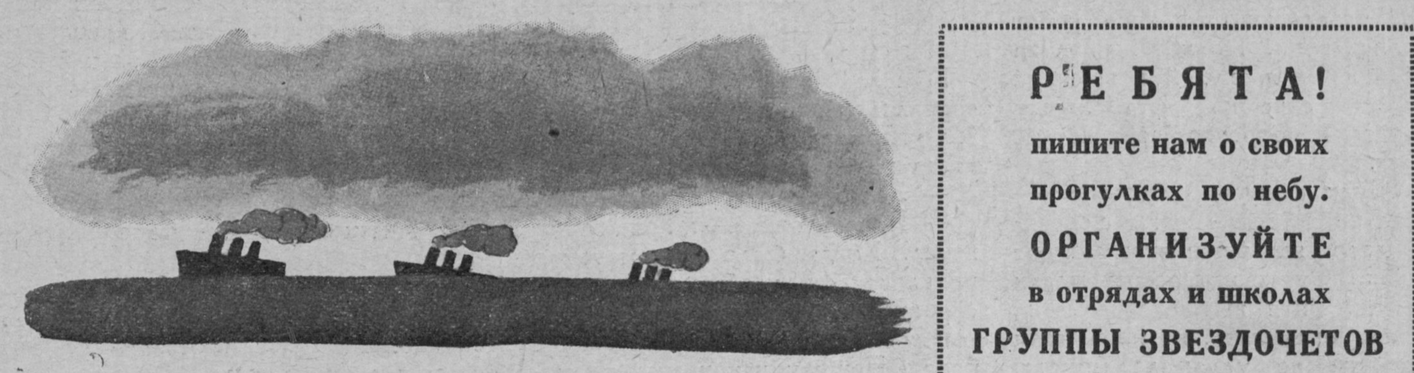

Внутри планетария—полная картина звездного неба, без единого облачка!

или что „киты" ее поддерживают. Современный ученый—звездочет—не верит ни в китов, ни в ангелов; он знает, что земля притягивается солнцем, и эта сила „тяготения" заставляет землю все время кружиться около солнца. Но земля обладает еще инерцией, так как она наделена массой; эта инерция—это как бы „сопротивление тяготению" и не дает земле упасть на солнце. И миллионы миллионов лет будет земля кружиться около солнца. Быть может, уж солнце потухнет, а движение земли все не прекратится.

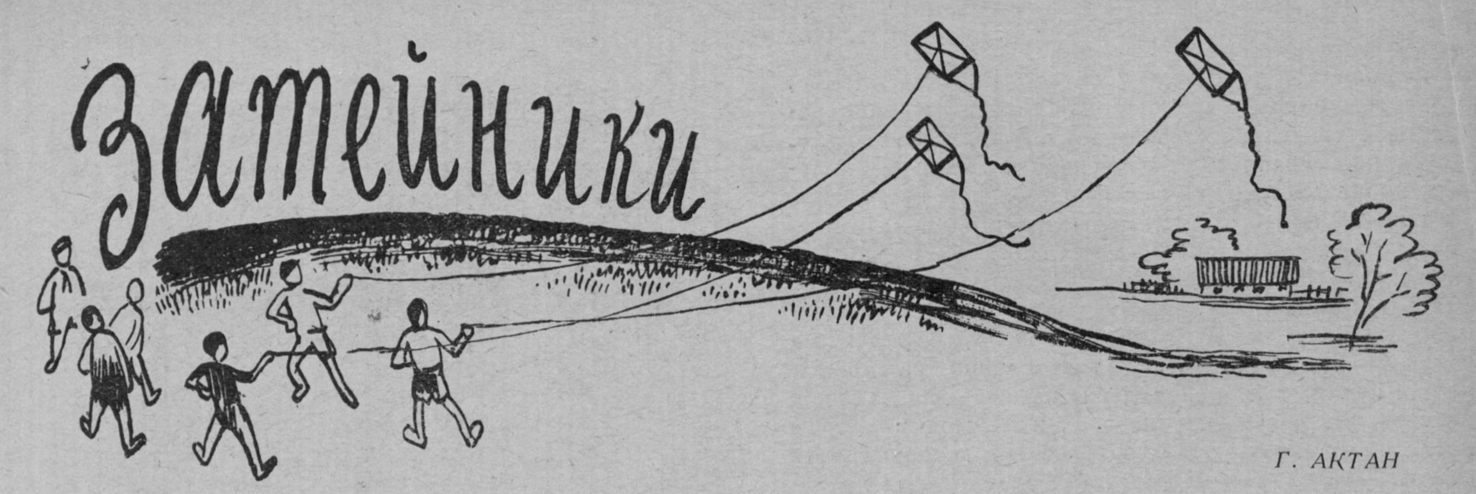
С тяготением знакомы все: все мы притягиваемся, все друг друга притягивает. Земля всех нас притягивает, и это мощное притяжение земли составляет то, что мы называем весом. О тяготении должны все знать. Читайте интересную главу о тяготении в книге Я. И. Перельмана „Занимательная астрономия" (Изд-во „Время", 1929 г.).

Главный звездочет проф. **К. Баев**

Приближающийся к берегу корабль.

РЕБЯТА!
пишите нам о своих прогулках по небу.
ОРГАНИЗУЙТЕ
в отрядах и школах
ГРУППЫ ЗВЕЗДОЧЕТОВ

Г. АКТАН

Много в Москве дворов. Кипят дворы в ясные солнечные дни от беготни, крика и возни ребят. В каждом дворе своя жизнь.

Почему-то не полюбились ребятам одного двора ребята другого. Вот уже несколько лет идет вражда. Один на чужой двор не ходи—изобьют. Сами ребята уже не знают из-за чего дерутся, почему враждуют дворы; но никто не хочет уступить, не хочет показаться слабым. Долго еще боялись бы ребята ходить на чужой двор, хотя нужно — мама пошлет или поиграть с ребятами хочется — еслиб не Юрка.

Юрка большого роста, крепкий двенадцатилетний пионер. Вышел как-то раз Юрка на свой двор, собрал вокруг себя ребят и долго говорил с ними потихоньку. Несколько дней ребята бегали с серьезными лицами, что-то повторяли, вязали веревки, к чему-то готовились. В назначенный день у ворот собрались ребята. Встали так, чтобы с соседнего двора их видно было, и стали в новую игру играть.

С соседнего двора выглянули ребята-враги. Посмотрели с любопытством и спрятались. Но веселые возгласы играющих ребят заинтересовали соседей. Через несколько минут со сжатыми наготове кулаками к играющим подошли ребята с соседнего двора. Глядя на состязание в ловкости, у не участвующих в игре ребят чесались руки. Но вот вышел на середину Витя, худой и высокий мальчик, свистнул футбольным свистком и попросил всех встать в круг.

— Буду фокусы показывать,— сказал он. Ребята-враги с соседнего двора забыли в этот момент о войне. Они с интересом ждали фокусов. Витя вытащил монетки и стал показывать, но неопытная еще рука не удержала монету, она упала.

— Жулики!—крикнул кто-то из ребят и больно ударил соседа. Завязалась драка. Игрокам и фокусникам попало. Но неудача не смутила затейников. Это Юра и Витя из ребят своего двора сбили группу организаторов досуга.

На другой день затейники храбро пошли к соседям с мячом и сеткой играть в ручной мяч. До первой неудачи все шло хорошо. Но вот кто-то ошибся, заспорил, снова пошла драка, и, пока затейники сражались с недружелюбными хозяевами соседнего двора, сетку и мяч стащили. Затейники хоть и потеряли мяч, но не вспоминали о нем. Соседи стащили мяч и были довольны. Вражда стала стихать. На обоих дворах стали играть. Соседи смотрят часто с завистью на затейников, играющих в новую игру и стараются ее перенять...

Вышли раз утром на улицу ребята и удивились. В нескольких местах висело объявление:

> В ВОСКРЕСЕНИЕ, 12 ЧАСОВ НА ДВОРЕ N16. БУДЕТ ПРАЗДНИК ИГР. ПРИГЛАШАЕМ И МАЛЕНЬКИХ И БОЛЬШИХ.
>
> ЗАТЕЙНИКИ.

Гришка Курков, главарь соседей, сорвал несколько листков и спрятал в карман. Вечером, когда он показал их товарищам, ему сказали:

— Зачем сорвал? Не надо было.

— Повесь опять,—и Гришка повесил. Когда было совсем темно приклеил он хлебным мякишем сорванные объявления.

В воскресенье на дворе собрался народ. Пришли, как и звали, и маленькие и большие. Затейники, разбив на группы гостей, стали проводить игры, показывать фокусы. Для малышей в углу двора читали вслух книжку и по рассказу стали с ними играть. А когда посреди двора натянули сетку и Витя подошел к соседям, мрачно стоящим у стены и наблюдавшим происходившее, они улыбнулись.

— Давайте сыграем партию!

— Сыграем!—согласились соседи.

Лопнула пружинка недоверия...

Когда после праздника игр усталые и довольные ребята уселись на доски, сложенные на дворе для ремонта, Юрка предложил:

— Давайте устроим конкурс на лучшую эскадрилью воздушных змеев.—Ребята обоих дворов были в восторге от этой идеи.

— Через неделю испытание сделаем! Пойдем за город на экскурсию,—добавил Гришка Курков.

На другой день Юра встретил Витю и сказал:

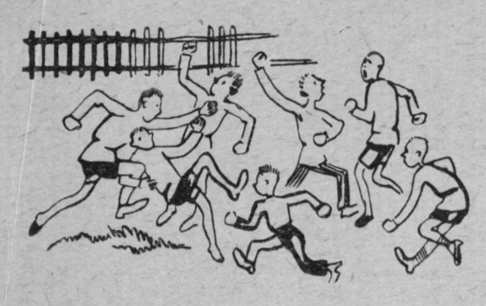
— Ты знаешь, я никак не думал, что мы с ними так быстро помиримся.

— И конечно не помирились бы,—ответил Витя,—если бы не твои затеи...

Эту историю никто не придумал, ее мне рассказали сами герои. И Юра, и Витя, и Гришка—все живые школьники, а первые два—пионеры. Затейники—это новые пионеры в деле организации отдыха и досуга. Их группы стали расти, как грибы. И отовсюду, с разных концов нашего Союза, пишут о себе затейники в свой журнал. И вот что пишут, почитайте:

1. Антипасхальный вечер

На заседании бюро нашей 20-й группы и на общем собрании затейников мы решили отвлечь ребят от праздника пасхи. Для этого мы решили устроить утренник.

4 мая нами был проведен вместо утренника вечер на антирелигиозную тему. Вечер мы приурочили к тому времени, когда в церкви начинали святить куличи—5 часов.

Вечер мы начали с пьески „Как быть?“ После нее по нашей просьбе заведующий школой провел беседу о куличе и пасхе. Беседа и пьеска тесно связались в одно целое и оставили после себя большое впечатление.

Вторым номером был показан рассказ-сценка „Безбожник“. Зрители, сидящие в зале—а их было около 200 чел.—без устали смеялись над плохим поступком пионера Коли. Когда же сценка была окончена, то один из зрителей крикнул: „Долой такого пионера“. Затем наши затейники спели антипасхальные частушки, показали пляску „журавель“. В заключение была показана пьеса „Божья конфетка“, которая прошла хорошо.

2. МДН

В 9 МДН наша группа выступала в двух местах.

Первое выступление было на юбилейном вечере нашего 50-го отряда, 19 мая.

После торжественного заседания, которое длилось 35 мин., настала очередь выступать нашей группе. Все зрители с нетерпением ждали выступления затейников. Выступление было начато через 3 мин.

Первым номером была показана пьеска „Ша! Бастую!“, которая прошла очень хорошо, и зрители около 5 мин. хлопали нам.

Первое удачное выступление на юбилейном вечере подняло дух у затейников, и пьеска „Культурник“ прошла еще лучше. Зал торжествовал, видя в первый раз такое хорошее выступление наших затейников.

Похвалы и крики радости по адресу затейников раздавались целый вечер. Затем было выступление старшего звена отряда с пирамидами и вольными движениями.

После этого выступления мы с руководителем Б. Анохиным смастерили из полотнищ палатку, сделали красный свет и разместились около палатки. Наш затейник вышел и объявил, что сейчас будет пение песен в лагере.

Занавес был открыт, и публика была удивлена нашей затеей. Пение прошло хорошо. Мы пели песни, подходящие к лагерной жизни, как-то: „Картошка“, „Там за речкой“, „В селе за рекой“ и т. д.

На этом вечер был закончен. Родители и ребята благодарили руководителя за такой хорошо проведенный вечер. Присутствовало 250 человек.

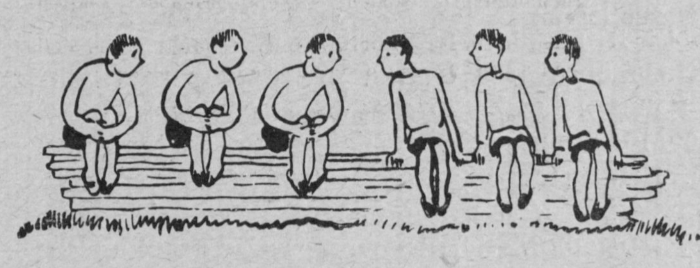
Второе выступление в МДН было проведено 30 мая в 11 час. утра в саду „Рабочего городка им. В. И. Ленина“.

На этом утреннике мы показали следующее:

1. Инсценировка „КИМ“, составленная Орл. Ккр. СДР и Физк. Эта инсценировка прошла удачней всего.

2. Девять затейников спели частушки из журнала „Затейник“ № 4, „ЧТО НЕ ВЕСЕЛ ЧЕМБЕРЛЕН?“ После каждого куплета мы делали соответствующие движения.

3. Была поставлена пьеска „ША! БАСТУЮ!“

4. Культурник.
5. Безбожник.

В общем утренник прошел хорошо. Но все же ветер, который дул прямо на сцену, мешал нашему выступлению. Часть слов не долетала до зрителей, что отражалось очень плохо на ходе всего выступления. На утреннике было около 400 чел.

3. Прием в группу

Наша группа решила вовлечь в свою работу и школьников. Для этого мы решили на 7 дней, с 24 по 31 мая включительно, открыть прием в группу. Сказано — сделано.

Вывесили объявление и в результате имеем 10 новичков. Эти ребята с охотой взялись за работу в группе и на первой же постановке (30 мая) доказали свое желание работать.

4. Что будем делать летом?

На одном из собраний нашей группы 23 мая мы решили устроить бродячих затейников по способу, описанному в журнале „Затейник“ № 5.

Распределили обязанности так: девочки будут шить кукол для кукольного театра, а мальчики сделают ящик. Работу мы начнем с 1-го июня. Выступление мы думаем проводить в 2 местах.

1. На пустыре „Рабочего городка им. Ленина“ и в

2. Ленинском парке около вокзала.

В этих местах как-раз бывает много детворы, которая шатается, не зная, что делать.

Сейчас мы спешно начинаем готовить 6 чел. затейников, которые будут ходить в отряды нашей базы и улучшать в них сборы, показывая новые игры, пляски, фокусы и песни. Материал будем брать из журнала „Затейник“ и придумывать сами.

5. На 1 июня

На 1 июня 1929 г. мы имеем 35 затейников, из них 25 девочек и 10 мальчиков. Группа разбита на 3 коллектива. Во главе коллектива стоит вожак-затейник и его помощник. Во главе группы—бюро из 5 чел. и руководитель. Коллективы организованы для того, чтобы легче и живей было работать.

20-я ГРУППА ЗАТЕЙНИКОВ
г. Орел

По поручению группы
Старший затейник—Анохина Т.
Секретарь-затейник—Засори А.

Затейники—новая, живая, интересная работа. Мы ждем, что все ребята—и пионеры, и не-пионеры, и школьники, и не-школьники,—все, все, все читающие наш журнал скажут свое слово:

Что вы думаете о затейниках?

Урал из окна вагона

(ПЕРВОЕ ПИСЬМО ОТ НАШЕГО КОРРЕСПОНДЕНТА)

В прошлом номере «Пионера» мы сообщали вам о том, что редакцией послан на Урал тов. Хазин. Там же мы писали, зачем он туда поехал.

Сейчас мы помещаем первое письмо тов. Хазина. Это письмо мы получили со станции Усолье.

Тяжело ездить осенью по железным дорогам. У железнодорожников свой календарь, по которому холодам полагается наступить 1 октября—не раньше и не позже. И какова бы ни была погода, вагон отапливается только с того числа, когда по железнодорожному календарю холодам полагается наступить. А пока—мерзни.

Пассажиры, зябко ежась под пальто и одеялами, клянут жизнь.

— Да разве я скоропортящийся продукт, что меня везут в вагоне-холодильнике,— плачется щуплый человечек, возвращающийся из Кавказского дома отдыха домой на Урал. В хмуром, северном свете загар на его лице кажется землистым. Он сжался в комок и, под натянутым на голову линялым одеялом, похож на ту сердито нахохлившуюся сороку, что мелькнула за окном на телеграфном проводе.

За Пермью небо проясняется. Скупое сентябрьское солнце пригревает горестные ,,скоропортящиеся продукты''.

Поезд медленно ползет вдоль фабричных строений.

Вот высокие квадратные строения Уралсепаратора—единственного завода в СССР, вырабатывающего сепараторы.

Вслед за ним лесом дымящихся труб проплывает гигант металлургии—Мотовилиха. Рядом с длинными приземистыми, щербатыми строениями, старыми, как самая уральская металлопромышленность, высится кружевной остов железобетонного здания, где разместятся заново оборудованные цеха. Крохотный, кажущийся игрушечным, паровозик с пронзительным и визгливым голоском, тужась и пыхтя, тащит к заводу вагонетки с дровами: лесные богатства Урала позволяют вести производство на древесном топливе, что повышает качество вырабатываемого металла.

Рядом с Мотовилихой черный высоченный ящик почти без окон—кислотный завод.

Дальше... Кама серебряной лентой теряется вдали; железнодорожный путь сворачивает направо и вьется вдоль берега Чусовой. На первой станции до вагона доносится жужжание пил с лесопильного завода; даже станционный домик и тот пропах здесь смолистым запахом свежей стружки.

Спускается ночь. Станция Чусовая издалека встречает поезд ярким дымным факелом доменной печи.

Металл, лес, кислоты—один завод мелькает за другим. А в 100 километрах от Чусовой еще одна ветвь уральской промышленности—Кизеловский угольный район. По широкой котловине, окаймленной лесами, лепятся черные, как самый уголь, домики, и черными конусами встают вышки шахт.

Всю ночь кряхтевший на подъеме поезд с радостным лязганием бежит под уклон.

Куда ни погляди—всюду лес. Леса поднимаются по отлогим склонам гор; леса сплошной стеной тянутся вдоль железнодорожного пути; едва колышащиеся верхушки деревьев волнующимся морем спускаются в глубокие котловины.

Полное безлюдие. И неудивительно: при громадной территории округ насчитывает всего 230 тысяч жителей, т. е. одну десятую населения Москвы.

Леса расступаются. Обширная равнина уходит к горизонту клубами дыма химических заводов и солеварен. Поезд подъезжает к Усолью.

Хазин

Ст. Усолье, 12 сентября

Редколлегия: И. ЖЕЛОБОВСКИЙ, Б. ИВАНТЕР, Н. КУПРЕЯНОВ, И. РАЗИН, И. ХАЛТУРИН, М. ЭПШТЕЙН. Отв. редактор И. РАЗИН

Москва. Главлит А 47.827. Изд. № 3719. „Мосполиграф", 16-я тип., Трехпрудный пер., 9. 30.000 экз.